

НАУКА КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

№ 2 2020

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

СОЦИОЛОГИЯ /

ПОЛИТОЛОГИЯ /

СОЦИОЛОГИЯ /
КУЛЬТУРЫ

ДЕМОГРАФИЯ /
И МИГРАЦИОЛОГИЯ

ISSN 2308-829X

ISSN 2308-829X

ИСПИ ФНИСЦ РАН
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Номер издан при финансовой поддержке
Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в г. Москве

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 2 / 2020

Научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Москва • ИСПИ ФНИСЦ РАН
2020

Главный редактор научного журнала:

Левашов Виктор Константинович – доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Заместители главного редактора:

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, главный научный сотрудник Отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, заведующая кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам

Иванов Вилен Николаевич – чл.-корр. РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН

Рогачев Сергей Владимирович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН

Состав редакционной коллегии:

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина (Москва, Россия)

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук директор центра государственно-частного партнерства, профессор кафедры управления проектами и программами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН

Орлова Ирина Борисовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии знания Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Орлова Ирина Викторовна, доктор социологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)

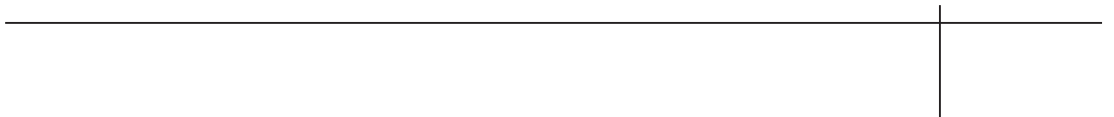
Пинчук Андрей Юрьевич, доктор политических наук, первый проректор «Московского государственного технологического университета» «СТАНКИН» (Москва, Россия)

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Селезнев Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра исследования социальных и социально-политических процессов евразийской интеграции ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Содержание

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Титаренко Л.Г.</i> Ложная дилемма локального и глобального	5
<i>Воробьева С.В.</i> Общественное мнение в логико-когнитивных аспектах повседневных практик	11
<i>Кучмаева О.В.</i> Участие детей в принятии решений: результаты и перспективы социальной политики в России	18

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Сарна А.Я.</i> Гражданский активизм и общественные инициативы в публичной сфере	26
<i>Петрониевич Г.</i> Правоприменительные практики решений международного уголовного суда в отношении бывшей Югославии	32

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Грищенко Ж.М., Сиверцев Ю.Г.</i> Проблема культурного кода в социологическом измерении	45
<i>Курилович Н.В.</i> Функциональная неграмотность как угроза устойчивому развитию современного общества	53

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИОЛОГИЯ

<i>Беззвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р.</i> Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты	63
<i>Максимова А.С. Моисеева Е.М., Беззвербная Н.А., Маньшин Р.В.</i> Демографические последствия крупнейших техногенных катастроф в России в период с 1990 по 2019 гг.	82

РЕЦЕНЗИИ

<i>Юрченко Ю.П.</i> Инновационные парадоксы неопределенности финансового рынка	93
---	----

DOI 10.38085/2308829X-2020-2-5-10

УДК 316.2

Титаренко Л.Г.

ЛОЖНАЯ ДИЛЕММА ЛОКАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО

Титаренко Лариса Григорьевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь). E-mail: larisa166@mail.ru

Аннотация. Современная глобальная социология должна адекватно отразить новые вызовы, стоящие перед социальными науками. Социология не может более оперировать бинарными категориями и противопоставлять разные научные подходы, уровни познания, типы сообществ. Она должна соединить локальное и глобальное, контекстуальность и универсальность. Отказ от дихотомии глобального и локального поможет найти ответы на новые риски.

Ключевые слова: глобальное-локальное, контекстуальность, универсальность, бинарность, социология.

THE FALSE DILEMMA OF LOCAL AND GLOBAL

Larisa G. Titarenko, DSc (Sociology), PhD (Philosophy), Professor, Belarusian State University, professor of the Sociology Department (Minsk, Belarus). E-mail: larisa166@mail.ru

Abstract. Modern sociology should adequately reflect new challenges facing social sciences. Sociology can no longer operate with binary categories and oppose different scientific approaches and levels of knowledge. It must combine local and global, contextuality and universality. Rejecting the dichotomy of the global and local will help find answers to new risks.

Keywords: global-local, contextuality, universalism, binary, sociology.

Цитирование: Титаренко Л.Г. Ложная дилемма локального и глобального // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 5-10

Современная глобальная социология должна оперативно реагировать на новые вызовы, стоящие перед социальными науками. Этих вызовов очень много, среди них есть те, что особенно заметны, а есть и такие, которые понятны только профессио-

налам, и отвечать на них в состоянии не все страны ввиду разных ресурсов и приоритетов, а также давно сложившейся и прочно укоренившейся иерархии в социологии.

Чтобы найти адекватные ответы, исследовательское поле должно

быть равно открытым для ученых, представляющих разные страны. Тот факт, что ученые живут и работают в странах, отличающиеся по уровню экономического и политического развития, культуре и истории, религии и традициям, не определяет их интеллектуального уровня и инновационности мышления. Можно жить в богатой западной стране мира, но быть консерватором, способным лишь к повторению чужих идей. А можно родиться в незападной стране, получить хорошее образование и, наряду с признанными мэтрами, высказывать свое экспертное мнение по актуальным проблемам глобального развития. Время жесткого разделения социологии на центр (мейнстрим) и периферию (остальной социологический мир) проходит. Сегодня вряд ли возможно даже определить, какие исследовательские парадигмы более популярны в научном сообществе в целом и даже в отдельном регионе, т.к. мультипарадигмальность является признанной характеристикой социологии, а междисциплинарный подход рекомендуется широко использовать на всех уровнях исследований.

Происходит переосмысление и реконструкция категориального аппарата социологии. Производство научных знаний сегодня требует более глубокого осознания разнообразности современного мира, неоднозначности социальных проблем в разных регионах и поиска таких инструментов к решению социальных задач, которые будут эффективны для конкретных культурно-исторических условий развития страны. Популярны прежде универсалистские понятия и парадигмы чаще всего не «работают» в таких условиях. Современная социология не может

более оперировать бинарными категориями и противопоставлять существующие научные подходы, уровни познания, типы сообществ, как это имело место в прежние эпохи. Бинарное мышление и бинарный подход ведут к консервации неравенства между учеными, представляющими разные регионы мира, и к невозможности объединять их усилия для поиска эффективных ответов на глобальные вызовы и риски. Эпоха доминирования одной группы стран в социологии должна уйти в прошлое. В частности, надо отказаться от использования глобально-локальной дихотомии в анализе современного мира, равно как и от противопоставления Востока и Запада, Севера и Юга и т.п. Эта категориальная бинарность была когда-то введена в научный оборот представителями научного мира развитых стран. Она подкрепляла политическое и экономическое доминирование Запада, упрочивая их теории и подходы как безоговорочно признанные, научно доказанные и имеющие универсальное применение, т.е. как пригодные для любых других стран на локальном и национальном уровнях. Сегодня мир изменился настолько, что не только страны Восточной Европы, но и постколониальные страны Азии, Африки и Латинской Америки активно заявляют о себе в социологии и других дисциплинах и не принимают западные модели как универсальные, подходящие для решения социальных проблем своих регионов. Так, более 200 лет назад израильский социолог Ш. Айзенштадт разработал парадигму мультипарадигмальности, согласно которой в историческом развитии все цивилизации являются равными и эволюционируют, следуя собственным закономерностям

и культурным особенностям. Он доказал, что после Второй мировой войны «реальное развитие модернизации обществ опровергло гомогенизацию и гегемонистские допущения западной парадигмы модернизации», и что для разных регионов нужны самостоятельные парадигмы, объясняющие их развитие [1]. Эта концепция получила широкую поддержку в социальных и гуманитарных науках: на ее основе были представлены исламский, китайский, индийский, скандинавский, советский и другие варианты модерна [2–4]. Социологи, которые – независимо от их места проживания – пишут о проблемах глобального Юга и считают, что понимание этих проблем требует использования иных, нежели универсалистские западные теории, подходов (Р. Коннелл, С. Алатас, В. Синха и др.), развивают так называемые Южные теории [5–6]. Эти «туземные», как их иногда называют, конструкции, возможно, уязвимы для критики и не до конца логичны, но их предназначение состоит прежде всего в том, чтобы показать: данный регион нуждается в аутентичных концепциях и парадигмах, может создавать их самостоятельно и не желает подстраивать теории, созданные западными социологами, к своим реалиям.

Видимо, первые шаги в рамках мирового социологического сообщества к пониманию этой проблемы и желанию ее решать были сделаны, когда президентом Международной Социологической Ассоциации была выбрана индианка (ныне гражданка США) М. Абрахам, а после нее – представитель арабского мира Сари Ханафи. Позиция обоих лидеров демократична: они приветствуют диалог Севера и Юга. Есть шанс, что социологическое поле будет более

открытым для всех «национальных» авторов. Как утверждает С. Ханафи, с точки зрения диалоговой методологии исследования универсальность предложенных Западом категорий «возможна только через перекрывающийся кросскультурный консенсус, а не путем универсализации ценностей, приходящих из евро-американского контекста» [7]. Если не развивать равноправный диалог, в социологии будет сохраняться доминирование одних стран над другими, вплоть до авторитаризма в процессе производства новых научных знаний. Методология кросскультурного диалога позволяет включать в процесс производства знаний все страны и учитывать различия социально-исторического контекста каждой страны, национального региона. Нужны новые категории анализа и интерпретации социальных процессов и явлений, чтобы рассуждать о социальном развитии не альтернативно, а комплементарно. Только таким образом социология будет в состоянии внести вклад в международную деятельность для того, чтобы мир не был ввергнут в новые глобальные катастрофы, которые при сохранении конфронтации сторон неизбежно разразятся.

Даже, казалось бы, не обязательно драматическое противостояние глобального, национального и локального, в конечном счете, ведет к признанию того, что одна из этих категорий более важная (как правило, глобальное), чем другие. Яркий пример тому – подход Евросоюза к проблеме миграции. С одной стороны, страны Центральной и Восточной Европы, будучи членами Евросоюза, не хотят принимать у себя больше мигрантов, чем позволяют их национальные интересы (в их понимании)

и материальные возможности. С другой, Брюссель настаивает на том, что интересы целого (в данном случае Евросоюза как единого образования) и глобальные интересы (в интерпретации лидеров Евросоюза) должны превалировать над национальными. Отсюда – резкая критика в адрес отдельных стран и правительств в регионе Центральной и Восточной Европы, угрозы лишить их финансовой поддержки и т.п.

Данная социально-политическая проблема в ракурсе выбора того, «что более приоритетно», неразрешима: для каждого члена Евросоюза национальные приоритеты остаются не менее важными, чем глобальные. Более бедные страны Центральной и Восточной Европы не желают ущемлять свои национальные интересы и принимать больше мигрантов, чем они себе могут позволить. США вообще не желают участвовать в решении глобальных проблем и в снижении напряженности глобальных рисков, напротив, США даже способствуют их эскалации (через рост вооружений в Европе, жесткую миграционную политику на американском континенте, бескомпромиссные торговые войны с Китаем, Россией и даже странами Евросоюза). Еще один пример – отношение Евросоюза к Украине: хотя граждане Украины в 2018 получили возможность путешествовать в Евросоюз без визы, отдельные национальные правительства поставили на пути украинцев препятствия (в вопросе найма на работу), чтобы не получить у себя «лишних» мигрантов, даже когда в отношении мигрантов из арабских стран они практически поддерживают приток беженцев – легальных и нелегальных. Еще один пример – немотивированное решение «отложить» вопрос о при-

еме Македонии и Албании в члены сообщества (причем несколько лет назад такой прецедент уже имел место в отношении Турции). Очевидно, что интересы стран-лидеров являются решающими в подобных вопросах, даже если это подрывает уровень доверия извне к Евросоюзу.

Новая методология, требуемая в условиях отказа от дихотомии глобального и локального, – интегративная: она предполагает диалог между учеными разных стран по всем острым проблемам современности. Пока такой подход представляется далеким от практики даже в области социологии, где предпринятые в конце XX в. попытки создать интегральные метатеории не увенчались успехом и привели к кризисному состоянию [8].

Современный мир раздирается многими противоречиями, прежде всего политическими. Именно это противостояние и борьба стран и группировок за очередной передел влияния в мире, при усиливающейся важности национального и локального, ведет к неразрешимости существующих глобальных угроз и рисков. К числу таких рисков и угроз, прежде всего, относят возможность третьей мировой войны с применением ядерного оружия, глобальное потепление, рост неконтролируемой миграции. Поскольку господство неолиберальной политики на протяжении десятилетий привело мир к резкому обострению социального неравенства [9; 10], росту прекариата даже в развитых странах мира [11], не говоря уже о России [12], и новым brutальным социальным напряжениям (расовые, этнические, религиозные и пр.), мир находится в поиске других политических и экономических решений, что сопровождается

кризисами, ростом популизма, потерей доверия к традиционным политическим партиям и их лидерам. Это демонстрируют выборы в разных странах мира.

Вместе с тем, отказ от универсалистских подходов не означает, что привычные понятия (демократия, права человека, трансформация, модернизация) должны исчезнуть и не использоваться на национальном уровне. Они должны быть адаптированы к социально-историческому контексту каждой страны, включать привычные для данного региона (страны) идеи и концепты. Так, модернизация в Китае проводилась в XX веке с учетом традиций конфуцианства, и ряд теоретиков (и западных, и китайских) считают, что именно данный момент (историзм и контекстуальность) позволили Китаю не только сохраниться в качестве национальной модели общества коммунистического модерна, но и успешно конкурировать с США. Теория мультимодернов, созданная Ш. Айзенштадтом и развитая учеными всего мира, на сегодня больше других модернизационных концепций позволяет признать равнозначными национальные модели развития в мире и создать теоретическую базу для равноправного диалога цивилизаций, в отличие от теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона, исходившей из дихотомического разделения мира и выделявшей Запад в качестве образца цивилизационного развития [13].

В российском контексте хорошим примером удачного использования универсалистской категории трансформации с учетом контекста является теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной [14]. Согласно этой теории, в истории России было две основные институциональные матрицы развития, названные авто-

ром X и Y, или восточная и западная, и на определенном историческом этапе только одна доминировала. Иначе говоря, проявлялось доминирование и реализация одного представления о разнообразии общественной жизни и ее социальных институтов, а вторая матрица играла дополнительную (вспомогательную) роль. Однако сегодня, чтобы сделать качественный рывок вперед и не превратиться в страну «второго эшелона» как в политическом, так и экономическом отношении, Россия должна попытаться достичь баланса между доминирующей и дополнительной матрицами своего развития, чтобы общее движение страны вперед ускорилося. В частности, надо активно развивать инновации во всех сферах деятельности, науку, но при этом постоянно стремиться к росту уровня и качества жизни населения и не допускать нарастания разрыва в доходах между разными социальными группами и социального исключения обездоленных социальных групп. В настоящее время показатели социально-экономического неравенства в России остаются одними из самых высоких в мире [15]. Чтобы сохранить свою важную роль на глобальном уровне, Россия должна активно продвигать свои интересы на региональном уровне (например, развивать такие объединения, как БРИКС, Евразийский экономический Союз) и при этом уделять достаточно внимания своим собственным отстающим регионам. Опираясь на собственный исторический опыт, Россия может внести вклад в понимание современных глобальных угроз на всех упомянутых уровнях без приоритета какого-либо из них. Вместо дихотомии Востока и Запада, Россия давно предлагает их равноправный диалог

и учет интересов всех сторон. Но для успеха на этом пути нужна добрая воля других мировых игроков. Социология может показать пути возмож-

ного глобального противостояния угрозам, но она не может их снять или ускорить их решение, т.к. это прерогатива политики.

Библиографический список

1. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 1–29.
2. Göle N. Snapshots of Islamic Modernities // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 91–117.
3. Kaviraj S. Modernity and Politics in India // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 137–162.
4. Arnason J.P. Communism and Modernity // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 61–90.
5. Connell R. *The Southern Theory. Global Dynamics of knowledge in social science.* Sydney: Allen & Unwin Academic, 2007. 288 p.
6. Alatas S.F., Sinha V. *Sociological Theory Beyond the Canon.* London: Palgrave Macmillan 2017. 391 p.
7. Hanafi S. *Global Sociology – Toward New Directions* // *Global Dialogue*. 2019. Vol. 9, no 1. Доступ: <http://globaldialogue.isa-sociology.org/> (дата обращения 15.06.2019).
8. Романовский Н. В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // *Социологические исследования*, 2016, № 4, сс. 3–12.
9. Piketti T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century.* Cambridge, MA: Harvard University Press. 685 p.
10. Вятр Е. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии? // *Социология*, 2019, № 3, сс. 25–31.
11. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Пер. с англ. М.: Гараж и Ad Marginem, 2014. 328 с.
12. Gasiukova E., Shkaratan O. Precarity: The Significance of ta Controversial Concept // *Filosofija. Sociologija*, 2019, № 2, pp. 116 -125.
13. Huntington S.P. The clash of civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993, Vol. 72 (Summer), № 3, pp. 22–49.
14. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М: ТЕИС, 2000. 213 с.
15. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // *Мир России*, 2018, Т. 27, № 2, сс. 6–35.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ЛОГИКО-КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТАХ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Воробьева Светлана Викторовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии культуры, Белорусский государственный университет. E-mail: cherbourg@mail.ru

Аннотация. Общественное мнение раскрывается в двух логико-когнитивных аспектах повседневных практик. В аспекте аналоговых и гомологических структур доверия дифференцируются монотонные и немонотонные информационные процессы. В аспекте двойственности языка и мышления обоснован дискретно-интервальный подход как поиск условий их соизмеримости. Общественное мнение в контексте соизмеримости воспроизводит нравственные и иезуитские границы интересов в повседневной казуистике.

Ключевые слова: аналоговое доверие; гомологическое доверие; монотонные и немонотонные процессы; мнение; точка зрения; дискретно-интервальный подход; повседневная казуистика; иезуитизм.

PUBLIC OPINION IN LOGICAL-COGNITIVE ASPECTS OF EVERYDAY PRACTICES

Svetlana V. Vorobjova, PhD (Philosophy), Associate Professor of Department of Philosophy of Culture Belarusian State University. E-mail cherbourg@mail.ru

Abstract. Public opinion is revealed in two logical and cognitive aspects of everyday practice. In the aspect of analog and homological structures of trust, monotonic and non-monotonic information processes are differentiated. In the aspect of the duality of language and thinking, a discrete-interval approach is justified as a search for the conditions of their commensurability. Public opinion in the context of commensurability reproduces the moral and Jesuit boundaries of interests in everyday casuistry.

Keywords: analogical trust; homologous trust; monotonic and non-monotonic processes; opinion; point of view; discrete-interval approach; everyday casuistry; Jesuitism.

Цитирование: Воробьева С.В. Общественное мнение в логико-когнитивных аспектах повседневных практик // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 11-17

Множественная рациональность повышает риск искажений и ошибок в социологических исследованиях, включая изучение общественного мнения, что влечет необходимость поиска условий их достоверности. Поисковая деятельность направлена на формализацию коллективной рефлексивности, определение пре-

делов ее эпистемологической безопасности, разграничения языковых и метаязыковых условий, реализма и номинализма и т. д. [1–3]. На этом основании цель статьи заключается в раскрытии общественного мнения как познавательной сферы и исследовательского поля социологии в логико-когнитивных аспектах повсед-

невных практик. Важность такого ракурса предопределена спросом на общезначимое понимание и оценку публичности в современных обществах, вследствие чего возрастает интерес к общественному мнению как социальному порогу культурной повседневной чувствительности и как прагматическому и прогностическому аргументу.

Модификация изучения общественного мнения «как основной концептуальной линии социологии» и «как основного инструмента познания социальной реальности» происходит из двойственной интерпретации монистических и плюралистических методологических парадигм [5, с. 101]. Двойственный контекст интерпретаций обеспечивает соизмеримость количественной и качественной определенностей общественного мнения, радикализм которых можно иллюстрировать, соответственно, вопросами: «Если нет абсолютного перевеса мнений в количественном выражении», то имеет ли место общественное мнение? и «Каковы реальные границы методологической правомерности классификации любой эмпирически фиксируемой тенденции оценочных суждений как выражения общественного мнения?» [5, с. 102, 103]. Это значит, что, с одной стороны, «привычный для монизма аргумент "подавляющего большинства" не может быть гарантом "незрелости" общественного мнения», а меньшинство не должно оцениваться как незрелое или неоформленное, пребывающее в режиме перманентного развития. С другой стороны, «даже самая малочисленная группа "затруднившихся" в своих оценках респондентов – вполне правомерный коллективный субъект общественного мнения, обогащающий его эмпири-

ческую смысловую вариативность» [6, с. 95, 97]. Отсюда вытекают нетривиальные следствия относительно поиска и обоснования условий соизмеримости количественной и качественной определенности общественного мнения.

Общественное мнение – это логико-когнитивный, собирательный конструкт повседневности. Поэтому его исходные точки связаны с логико-когнитивными аспектами повседневных практик, в пределах которых раскрывается двойственная сущность общественного мнения. С одной стороны, она подразумевает выявление и обоснование аналоговых (аналогических) и гомологических факторов общественного мнения, влияющих на выбор переменных, с другой, – разработку системы логических допущений, обеспечивающих правильную расстановку элементов в целостной картине общественного мнения как монотонного или немонотонного информационного процесса.

В повседневных практиках необходимо различать две формы доверия – аналоговое и гомологическое [7]. Аналоговое доверие основано на личном опыте как основе понимания мира и им же ограничено. Оно распространяется на некоторое множество ситуаций, подобных ситуациям из своего опыта. Личный опыт, основанный только на индивидуальных процедурах в языке репрезентаций, останавливает конструктивное взаимодействие с миром, так как отсутствие аналогий приводит к непризнанию ситуаций в предъявляемой форме или содержании и формированию инвектив как следствий фобий. Э. Гидденс именовал аналоговое доверие «базисным доверием», или «бессознательным социальным опытом индивида», составляющим

механизмы рутинного повседневного поведения и мышления, не способного выйти за пределы рутины и «взглянуть на жизнь по-новому» [8, с. 75, 28].

Гомологическое доверие основано на готовности к диалогу, согласованию позиций и конструированию новых способов понимания реальности. Его динамическая сущность предопределена тремя динамическими предикатами – кто, кому и по поводу чего доверяет. Поэтому гомологический опыт когерентных взаимоотношений опирается не только на язык репрезентации реальности, но и на его координирующие репрезентативные функции, связанные с немонотонными процессами. Немонотонный характер гомологического доверия обусловлен тем, что оно наряду с понятными вещами допускает непонятные, в результате чего неотменяемые правила становятся отменяемыми.

Из разграничения статических и динамических критериев доверия следует необходимость их адекватного выражения в языке, не допускающего тождества языка и мышления. Герменевтическая трактовка языка как средства истолкования недопустима вне логического интервального подхода. Ограниченность герменевтики вытекает из подмены мышления языком, что исключает из исследований индивидуальную и общественную жизнь и историю. Логическая интервальная интерпретация двойственна. Она полагает обратимость и альтернативность процессов в двух контекстах, образующих целостность, – мышление в контексте языка и язык в контексте мышления. Данный холизм обусловлен многочисленными, многомерными, связанными в целостные структуры

субъективными и объективными интервалами. В частности, общественное мнение как состояние воспроизводит в большей степени мышление в контексте языка, например, отображает сформированные социальные позиции по отношению к чему- или кому-либо. Процессуальный характер общественного мнения воспроизводит языковые понятийно-терминологические изменения в контексте мышления, например, отображает изменения в категоризации социальных явлений под влиянием СМИ.

Выявление общественного мнения – это поиск и обоснование инвариантов связей субъективных и объективных интервалов. Их сущностным аспектом выступает учет двойственности инвариантов. Например, изучение стереотипов массового сознания подразумевает в одном ракурсе изучение устойчивых (типичных) установок сознания (мышление в реалистическом контексте языка как совокупности условностей над жизнью), в другом, – изучение изменчивых (нетипичных) структур, допустим, в конструировании аргументации или конфликтном взаимодействии (язык в контексте мышления). Мышление в реалистическом контексте языка сопряжено с собирательным значением общественного мнения. Оно складывается из закономерностей массового сознания или гражданского общества в их преломлении к политическим реалиям [9, с. 171]. Язык в номиналистическом контексте мышления сопряжен с разделительным значением общественного мнения, когда, например, «мнение субъекта оценки настолько оригинально, что не вписывается в смысловые вариации содержательных альтернатив, включенных в анкету». Предложенный язык не воспроизводит мысль. Как

следствие, она искажается или вуальруется посредством «затрудняюсь ответить» [9, с. 130].

От заданного в пределах какой-либо целостности интервала зависят конструктивность значения и смысла. Инвариант отображает уникальность, автономность, суверенность общественного мнения, если и только если обозначены логико-когнитивные условия его замкнутости и непроницаемости во множестве культурных прочтений. Такие условия вытекают из различения мнения и точки зрения, привязанных к разным целостностям, соответственно, – психическому состоянию или системе пропозиций. Критерий их дифференциации – «иммунитет от критики». Мнение как психическое состояние доступно лишь самому говорящему, так как резонирует с его внутренним миром [10, с. 46]. Точка зрения как пропозиция находится в отношении к другим пропозициям. Поэтому мнение не может стать объектом оценки и критики, так как не нуждается, в отличие от точки зрения, в обосновании [11, с. 23]. Мнения как перцепционная часть мышления составляют доступный ресурс, из которого реактивным путем извлекаются необходимые эмоционально-чувственные аргументы. Поэтому аналоговому доверию свойственна высокая степень корреляции с предвзятостью и предубежденностью и с обязательствами только перед самим собой [12, р. 438–439]. Гомологическое доверие менее зависимо от схем предвзятости и предубежденности, так как раскрывается в контексте ответственности перед другими людьми, почему несостоятельность или неприемлемость точки зрения служит поводом отказаться от нее. Немонотонный характер выводов в гомологическом

доверии обусловлен тем, что они могут стать ложными при поступлении новой информации [13, с. 222].

Изучение общественного мнения позволяет обнаруживать социально-культурные разногласия в повседневных практиках. Дихотомическое деление культурных разногласий возможно на основании их продуктивности в аналоговом или гомологическом срезе. Разногласия оказываются продуктивными лишь тогда, когда они открывают новые горизонты значений и смыслов, эквивалентные иным способам представления реальности. В частности, истоки социальной справедливости в повседневности ассоциированы с ценностными аспектами бытия агента повседневности [14], которые отражаются в общественном мнении. Например, полнота или дефицит бытийных ценностей [15, с. 47] детерминируют, соответственно, когнитивные движения от себя к миру или от мира к себе [16]. Логическая модальная схема первого движения «Мир справедлив, так как Я ответственен и поэтому Я должен», второго – «Мир несправедлив, так как ответственные другие, поэтому мне должны».

Исследование общественного мнения сопряжено с контекстом казуистики. Л.Л. Фуллер, анализируя моральные аспекты права, подчеркнул, что вопросы справедливости в правовом регулировании решаются в контексте «схожего разрешения схожих дел» без учета завышения или извращения критерия «схожести» [17, с. 283]. Разумеется, не только правовое движение в поиске критериев социальной справедливости казуистично. Нетривиальный вывод заключается в том, что формализация культурного многообразия в решении вопросов справедливости ос-

ложнена неустраняемыми факторами повседневности как источнике иезуитского стиля обоснования.

Логико-когнитивная цель казуистики в повседневных практиках заключается в решении задач посредством закономерностей, выведенных из индуктивной совокупности похожих ситуаций и случаев. Она служит триггером в аналоговом доверии. Иезуитизм как стиль общественного мнения отличает реалистичность и снижение ценности и строгости нравственности. Систематическое уменьшение силы нравственных законов осуществляется для того, чтобы «сделать из осуждаемых моралью поступков, если и не добродетели, то действия дозволенные или безразличные» [18, с. 50–51]. Это означает, что срез общественного мнения по каким-либо вопросам воспроизводит иезуитские границы компромиссов и желаний во множестве персонифицированных казуистических мнений, которые позволяют раскрывать и обосновывать его агрегатно-коллективистские свойства.

Например, поиск критериев инварианта справедливости в условиях ее культурных разночтений возможен на основании продуктивности разногласий [14]. Разночтения оказываются продуктивными только в том случае, если открывают новые горизонты значений и смыслов, эквивалентные относительно новым способам представления реальности (гомология). С позиции аналогового понимания и доверия разногласия не различимы. Следовательно, для замера общественного мнения следует, во-первых, разграничивать понятное и непонятное, во-вторых, дифференцировать отменяемые и неотменяемые правила. Критерием разграничения выступает наличие / отсутствие

устойчивого (повторяемого) образа и возможность его выражения в двойственности языка и мышления. Критерием дифференциации правил служит разграничение ошибок, являющихся нарушением казуистических индуктивных обобщений в монотонных процессах, и ошибок, которые правила модифицируют в процессах немонотонных.

Такой подход особенно важен при изучении общественного мнения относительно неочевидных последствий каких-либо процессов [19]. В частности, измерить социальные последствия трудовой миграции сложнее по сравнению с экономическими последствиями, так как их показатели и значения менее явны. Например, Б Скочиньска-Прокопович в качестве предикторов социальных последствий включила последствия для семьи, супружеских и родительских отношений, социальной и личной жизни мигранта [20]. Это позволило выстроить согласованную картину мнений относительно миграции с точки зрения различных категорий респондентов, объединенных в трех группах, и трех временных рядов – событийной, ситуационной и длительной протяженности [14, с. 176].

Таким образом, в общественном мнении как познавательной сфере и исследовательском поле социологии следует различать два логико-когнитивных аспекта повседневных практик. Первый вытекает из различения аналоговых и гомологических структур доверия в повседневных практиках, обеспечивающих дифференциацию монотонных и немонотонных информационных процессов в общественном мнении. Данные структуры, содержательно воспроизводя разные части общественного мнения – реактивно-мотивационную

(перцепционную) и причинно-следственную, позволяют устанавливать различия в казуистике повседневных практик и определять иезуитские и нравственные границы социальных компромиссов и желаний.

Второй аспект вытекает из двойственности мышления и языка и предполагает разграничение герменевтического и дискретно-интервального подходов. Герменевтика подменяет мышление языком. Дискретно-интервальный подход предполагает поиск условий соизмеримости двух ракурсов – мышления в языке и языка в мышлении. В их пределах устанавливается количественно-качественная определенность общественного мнения.

В целом поиск меры оценок общественного мнения все в большей степени связывается с качественной парадигмой исследовательского поиска, способной раскрыть «онтологические аспекты смыслов», скрывающихся «за статистически обоснованной контингенцией». Согласно качественной парадигме, «реальности мира складываются не из статистических закономерностей, а из конструктивного потенциала оценок и восприятия этого мира общественным сознанием, выраженным в общественном мнении» [6, с. 99]. Поэтому интерпретация общественного мнения в логико-когнитивных аспектах повседневных практик представляет собой неотъемлемую часть качественной парадигмы.

Библиографический список

1. Бурдые П. Включенная объективация // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 21–38.
2. Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология. Ч. 2. / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковский. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 373–429.
3. Грищенко Ж.М. Общественное мнение в лабиринтах научного дискурса // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2008. № 3. С. 73–79.
4. Кеестра М. Понимание природы человеческого действия. Интеграция смыслов, механизмов, причин и контекстов // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. С. 202–235.
5. Грищенко Ж.М. Общественное мнение: методологическая нагруженность категории в контексте социологического познания // Современное общество как проблемное поле социальных наук: материалы междунар. науч. конф. Минск, 19–20 октября 2006 г. / редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 101–104.
6. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М. Политическая социология: во власти метода или в плену у стереотипов? // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2012. № 3. С. 93–104.
7. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999. 704 с.
8. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens // Revue de l'Université d'Ottawa. 1985. Vol. 55. P. 85–98.
9. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М. Социология политики: пособие. Минск: БГУ, 2013. 183 с.
10. Хоутлоссер П. Точки зрения // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 34–63.

11. Воробьева С.В. Культура повседневного мышления и массмедиа // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. Мат. межд. науч.-практ. конференции. М.: изд-во АПК и ППРО, 2017. С. 21–25.
12. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. De la temporalité comme caractèr de l'argumentation // Rhétoriques. Bruxelles, 1989. P. 437–466.
13. Воробьева С.В. Логика: Теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
14. Воробьева С.В. Феномен социальной справедливости в повседневной аргументации // Общество и государство в условиях социально-экономических трансформаций. (VII Рязанские социологические чтения): материалы национальной научно-практической с международным участием; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина 23–25 ноября 2017 г. / Отв. ред. В.А. Горнов, Р.Евг. Маркин. М.: изд-во Иппалитова, 2017. С. 42–48.
15. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
16. Lévinas E. Autrement que savoir. Paris, 1988. 177 p.
17. Фуллер А.А. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 281–333.
18. Моно Г. Введение // Бёмер Г. История ордена иезуитов / Пер. с нем. Н. Попова. Смоленск: Русич, 2002. С. 3–99.
19. Грищенко Ж.М. Социология общественного мнения // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2009. № 2. С. 32–43.
20. Скочиньска-Прокопович Б. Социальные последствия трудовой миграции. На основании мнений жителей Подкарпатья. Пер. с пол. Т.И. Врублевской-Токер. Минск: РИВШ, 2018. 274 с.

УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социально-демографического развития МГУ им. М.В. Ломоносова, Главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН. E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке масштабов и перспектив участия детей в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы и основана на данных опроса, проведенного в 2016 г. Анализ результатов опроса позволил дать оценку включенности детей в принятие решений, выявить отношение специалистов к развитию данного процесса и оценить перспективы. Сделаны выводы о необходимости формирования методического обеспечения участия детей в процессе принятия решений и системы показателей эффективности этого процесса.

Ключевые слова: участие детей, мониторинг участия детей, интересы детей, показатели участия детей, положение детей.

CHILDREN'S PARTICIPATION IN DECISION-MAKING: RESULTS AND PROSPECTS OF SOCIAL POLICY IN RUSSIA

Oksana V. Kuchmaeva, DSc (Economics), professor of socio-demographic development of Lomonosov Moscow State University, senior researcher of ISPR FCTAS RAS. E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Abstract. The Article is devoted to the assessment of the scale and prospects of children's participation in the decision-making process affecting their interests and is based on the data of a survey conducted in 2016. The Analysis of the survey results allowed to assess the involvement of children in decision-making, to identify the relationship of specialists to the development of this process and to assess prospects. The conclusions about the need for the formation of methodological support of children's participation in the decision-making process and the system of indicators of efficiency of this process.

Keywords: children's participation, monitoring of children's participation, children's interests, indicators of children's participation, children's situation.

Цитирование: Кучмаева О.В. Участие детей в принятии решений: результаты и перспективы социальной политики в России // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 18-25

Введение

Право ребенка быть услышанным является одним из главных принципов Конвенции о правах ребенка (1989), ратифицированной СССР в 1990 г. Статья 12 Конвенции провозглашает, что государства, яв-

ляющиеся участниками Конвенции, обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка. В процессе реализации данного права возник

термин «участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы». Значимость развития процесса участия детей в процессе принятий решений велика и для каждого ребенка, и общества в целом: делясь своими знаниями и творческими возможностями, дети получают помощь в развитии своих умений и навыков, учатся находить разумные решения на основе демократических принципов. Опыт социального развития на международном и на местном уровнях продемонстрировал, что право участвовать в принятии решений, влияющих на жизнь человека, неразрывно связано с повышением социального и экономического благосостояния общества [1, с. 3].

Целью данной статьи является анализ масштабов и перспектив включенности детей в процесс принятия решений, отношение к данному процессу российского общества.

В России в рамках Национальной стратегии действий в интересах детей, реализуемой в 2012–2017 гг. впервые вопрос участия детей был поставлен для решения на таком высоком и прогрессивном уровне. К сожалению, в последствии, в ходе реализации мер стратегии «Десятилетие детства», не был продолжен поиск эффективных механизмов участия детей.

Мониторинг реализации Национальной стратегии показал, что в стране сформировался набор типовых практик в развитии участия детей в регионах. Однако большинство этих практик относятся к первому этапу развития участия детей в принятии решений, когда дети часто становятся пассивными участниками различных мероприятий (например, проведение анкетирования). Современные эффективные практики основываются на доступе к праву участия

каждого ребенка, на сотрудничестве с ребенком и поощрении инициатив самого ребенка.

Методы и источники данных

Выводы исследования построены на основе данных мониторинга Национальной стратегии, ряда выборочных обследований, в том числе проводимых Росстатом в режиме мониторинга. По заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в 2016 году был проведен опрос специалистов, реализующих проекты в сфере детства, посвященный развитию процесса участия детей в принятии решений. Анализ результатов опроса позволил на основе количественных показателей дать оценку включенности детей в процесс принятия решений.

В опросе приняли участие 302 респондента, в том числе 91% женщин и 9% мужчин. Средний возраст опрошенных – 43 года. Среди респондентов представлены лица различных возрастных групп, 83% опрошенных специалистов в возрасте от 30 до 59 лет. Мнения респондентов отражают представления о процессах участия детей специалистов, работающих в различных сферах. Представленность в выборке различных групп респондентов (с точки зрения их возраста, сферы деятельности, места жительства), несмотря на достаточно небольшой ее объем, позволяет получить достаточно объективный срез мнений специалистов, работающих в сфере социальной политики, о развитии процесса участия детей в России.

Подходы к анализу и оценке участия детей

Формирование концептуальной основы развития процесса участия

детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, адаптация и распространение механизмов и технологий участия в России происходило на протяжении последнего десятилетия [2, 3, 4]. Использовался зарубежный опыт формирования школьных советов [5], детских парламентов, участия детей на различных стадиях реализации проектов [6], привлечения детей к подготовке докладов о реализации Конвенции о правах ребенка [7]. Интерес для российской практики представляет то, как право детей на участие включено в систему социальных стандартов и нормативов деятельности детских учреждений [8]. Зарубежные методики нашли отражение в мероприятиях общественных организаций по распространению участия детей в деятельности образовательных организаций и муниципалитетов [9, 10]. Динамично меняющаяся социальная ситуация позволяет рассматривать принципы участия детей в сфере цифровой педагогики и образования [11, с. 145–155].

Имеющийся опыт оценки результативности деятельности в сфере расширения процесса участия во многом опирается на локальные исследовательские проекты [12, с. 70–79; 13, с. С. 507–520; 14]. Имеется опыт исследований, проведенных в странах ОЭСР по оценке детского благополучия с использованием показателей, опирающихся на оценки подростков; в США ежегодно обновляемый сводный индекс благополучия детей используется более 30 лет. Правительство Великобритании для оценки благополучия детей использует 25 различных индикаторов [10]. Схожий обзор ситуации был подготовлен в 90-е годы в Ирландии, сами дети участвовали в

отборе показателей, использованных в анализе [15].

В практике масштабных выборочных исследований в России в ряде случаев используются оценки детьми различных проблем. Например, в рамках Комплексного обследования условий жизни населения, проводимого Росстатом с 2011 г. в режиме мониторинга [16], среди инструментария использовался опросник для несовершеннолетних в возрасте старше 15 лет. На основании опроса детей в рамках данного обследования можно получить, в частности, оценку их состояния здоровья.

Результаты нашего исследования, проведенного в 2013 году при поддержке РГНФ (грант 13-06-18021), позволили оценить возможность участия детей в принятии решений в ходе обучения в школе.

Оценка целесообразности развития процесса участия детей

Примерами участия детей в регионах России, по мнению респондентов, выступают, прежде всего: выбор дополнительного образования, внеклассных тем для занятий, ВУЗа и направления подготовки, изучения предметов в школе по углубленной программе, выбор профессии; волонтерская деятельность; детский парламент; в судебном процессе учитывается мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет; выход с предложениями к руководителям органов местного самоуправления по улучшению положения детей; детские советы при уполномоченных по правам ребенка; дни самоуправления в школах; конкурс «Моя законотворческая инициатива»; опросы мнения детей; учет мнения детей при разработке положения о детской форме; участие

в детских общественных организациях; участие в образовательном процессе (обратная связь от детей, что эффективно, что нет); школьные службы примирения.

Участники опроса, в частности, отмечали, что сотрудники детских домов «стали более активны в том, чтобы давать детям: выбирать в бытовых вопросах; решать, хотят ли они в конкретную семью». Достаточно часто респонденты в качестве примера реализации ребенком права на участие в процессе принятия решений, приводили семью и взаимоотношения с родителями (включая лишение родителей родительских прав).

При ответе на вопрос: «Как Вы полагаете, нужно ли развивать участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, в настоящее время в России?» 50% респондентов сообщили, что развивать разные формы участия детей в нашем обществе необходимо для реализации прав детей. Около 40% участников обследования считают, что это очень важно делать в любой стране для реализации прав детей и демократического развития. Оставшиеся 10% либо сочли, что развитие участия детей не является первостепенной задачей в современной России, либо указали, что вообще не считают это целесообразным, либо затруднились ответить.

Причины нецелесообразности развития участия детей (ответы респондентов на вопрос: «Если Вы считаете, что дальнейшее развитие участия детей в нашей стране нецелесообразно, уточните, пожалуйста, почему?») в порядке убывания частоты ответов выглядят следующим образом: «развитие процесса требует увеличение штатов, персонала, владеющего новыми технологиями вов-

лечения детей в процесс принятия решений в школе, в муниципалитетах, в управленческих структурах; сначала надо создать кадровый потенциал, а потом заниматься участием детей» – 5,3%; «мы можем отнять у ребенка детство, надо уделять больше времени учебе, развитию, а также отдыху и играм» – 4,9%, «дети в принципе не способны в силу возраста участвовать в принятии решений, затрагивающих их интересы» – 3,3%; «у нас достаточно детских организаций и есть школьное самоуправление; зачем еще что-то придумывать» – 2,9%; «это манипуляция детьми, использование детей взрослыми в своих интересах» – 2,9%; «ни мои бабушки-дедушки, ни мои родители, ни я не участвовали в детстве в такой деятельности; и я считаю это правильным» – 2,0%. 77,5% респондентов не отвечали на данный вопрос, полагая, видимо, что развитие процесса участия детей в России необходимо. Среди вариантов ответа, обосновывающих нецелесообразность развития процесса участия детей, лидирует достаточно прагматический подход – «развитие процесса требует увеличение штатов...», т.е. по сути нежелание брать на себя лишнюю нагрузку.

Респонденты, голосовавшие за важность развития участия детей, обсуждали препятствия, которые сегодня мешают вовлечению детей в процессы участия. 11% считали, что препятствий в настоящее время в России нет. Основные барьеры на пути развития участия детей – отсутствие информации о положительных примерах участия, методик развития участия, уровень квалификации лиц, работающих с детьми, по этому вопросу, общественное мнение. Прозвучали и отдельные мнения по во-

просу препятствий развития участия детей: «Мне кажется, что сложность заключается в неготовности взрослых опираться на свой чувственный опыт. Они не готовы слушать детей. В массовой практике люди сами не готовы слышать свои желания, а детские тем более», «Нет понимания важности участия детей».

При большом проценте согласившихся с важностью развития участия детей (около 90%) 20% респондентов так и не смогли в начале опроса определить на конкретных примерах, что такое участие детей. Среди ответивших на этот вопрос большинство называли школьное самоуправление и его виды, волонтерство, детские советы при уполномоченных, молодежные организации и прочее. А также «пассивные» формы участия – анкетирования и опросы. Многие отождествляли участие с семейным устройством детей и выбором вуза, дополнительного образования, других форм образования, профессии. Были и «ошибки»: СМИ, службы по защите прав детей, отдых и летние лагеря.

Состояние и перспективы развития процесса участия детей

На практике инициативы участия детей в принятии решений часто принимают либо элитарные формы: «функционирует детский, молодежный парламент» (31%), «действует детская общественная палата» (10%), «дети, молодежь приглашаются на заседания местного парламента (12%)». Либо формы массового разового участия: «периодически проводятся молодежные форумы, слеты» (60%); «существует комитет/совет по делам детей и молодежи, который организует встречи с детьми...» (47%). Элитарный формат или

массовый разовый формат относятся к самым малоэффективным формам участия детей в принятии решений с точки зрения прав детей. В результате их реализации большинство детей так и не вовлекается на долгосрочной основе в процесс принятия решений. 12% респондентов затруднились ответить о местных инициативах.

На вопрос о том, были ли реализованы администрацией населенного пункта проекты, непосредственно связанные с инициативами, выдвинутыми детьми и молодежью в течение последних трех лет, 84,8% респондентов (работающих с детьми!) либо ответили отрицательно, либо затруднились ответить. Среди упомянутых инициатив волонтерские акции (социального и экологического характера), акции по поддержке здорового образа жизни, фестивали на разные темы.

Обращает на себя внимание, что хотя лишь 10,7% опрошенных дали однозначный ответ, что в их регионе реализуются проекты по инициативе детей, конкретные примеры привели 30,3% респондентов.

По мнению участников опроса, среди форм участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, наибольшего развития достигли: система школьного самоуправления (34,0% опрошенных), волонтерская деятельность детей (23,4%), функционирование детских уполномоченных служб по защите прав ребенка (18,9%), детские конференции, слеты, тематические смены (18,4%) и школьные СМИ (16,0%). Парадоксально, но крайне редко происходит участие детей в формировании городского пространства (0,4%). Функционирование районных советов детского самоуправления, детских обществен-

ных советов в их регионах отметили только 1,6% респондентов, наличие каких-либо механизмов обратной связи – 3,7%, проектную деятельность детей – 6,1%.

Респонденты полагают, что приоритетного развития требуют такие формы участия детей, как школьные службы примирения (22,5%), участие детей в формировании городского пространства (18,4%), развитие различных форм обратной связи: «красная кнопка», интернет-технологии, локальные сети с помощью которых дети могут изложить свое мнение (16,8%), проведение встреч с сотрудниками муниципалитетов и органов местного самоуправления (14,3%), опросы, мониторинг мнения детей (13,1%). Около 10% полагают необходимым обратить первоочередное внимание на более широкое использование дискуссионных клубов и площадок (9,8%) для выявления и учета мнений детей, развитие школьного самоуправления (9,0%) и участие детей в работе местных СМИ (9,0%).

Выводы

Результаты опроса продемонстрировали разнообразную картину мнений специалистов по поводу сущности процесса участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы.

Подавляющее большинство участников опроса говорит о необходимости развития процесса участия детей. Однако большая часть специалистов имеет поверхностное представление о процессе участия детей, возможных технологиях деятельности по привлечению детей к участию в процессе принятий решений, методиках оценки результативности деятельности в данном направлении.

На практике инициативы участия детей в принятии решений часто принимают либо элитарные формы (детский, молодежный парламент, детская общественная палата), либо формы массового разового участия: (форумы, слеты).

Среди препятствий на пути развития процесса участия детей респонденты выделяют отсутствие информации о положительных примерах участия, методик развития участия, недостаточный уровень квалификации лиц, работающих с детьми, в данной области и сложившееся общественное мнение. Сложившаяся структура мнений и знаний специалистов наглядно демонстрируют, что для развития процесса участия детей требуется серьезное методическое обеспечение деятельности и обучение по вопросу развития участия детей и подростков в принятии решений, затрагивающих их интересы.

Для оценки эффективности процесса участия детей необходимо наличие системы качественных и количественных показателей. Массив данных для оценки должен включать не только официальную статистику, но и результаты выборочных опросов населения, мнений специалистов и детей. Показатели должны собираться по следующим направлениям: наличие механизмов регулирования участия детей, контроль за соблюдением прав детей на участие в принятии решений, показатели участия детей в жизни общества, муниципалитета и образовательного учреждения; показатели работы детских организаций; финансовые показатели детских бюджетов и мероприятий, проведенных с участием детей и для детей.

Необходимым условием объективного мониторинга выступает

сопоставление мнения различных целевых групп, получение качественных характеристик и оценок. Информация, полученная на основе качественных методов сбора информации (интервью, фокус группы) с работниками муниципалитетов, школьной администрацией, учителями и воспитателями интернатов, уполномоченных по правам ребенка и детей позволят уточнить показате-

тели, полученные количественными методами исследования.

Современная трактовка понятия права участия детей расширяется. Право каждого ребенка быть заслушанным должно осуществляться в самых разных обстоятельствах, в разном окружении и на разных уровнях, в которые попадают дети по мере своего взросления, развития и познания окружающего мира.

Библиографический список

1. RBM и участие детей: Руководство CIDA по работе с программами с участием детей. Канадское Агентство Международного Развития (CIDA), 2003. Доступно по ссылке: <http://www.rfdeti.ru/files/cida.pdf> (дата обращения 10.07.2019)
2. Калабихина И.Е., Ионцева С.В, Козлов В.А. Анализ моделей участия детей в процессах принятия решений по вопросам, затрагивающим интересы ребенка (на примере российских городов, присоединившихся к инициативе ЮНИСЕФ «Города, доброжелательные к детям»). М.: ЮНИСЕФ, 2010.
3. Коблик Е.Г. Механизмы участия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в защите своих прав (проект «Голос ребенка»). М.: Генезис, 2010.
4. Фэйнштэйн К., О'Кейн К.. Участие детей: Методические материалы. Мурманск: Фабрика рекламы, 2011.
5. Davies L., Kirkpatrick G.. Children's Rights Alliance for England, London, Euridem Project, 2000/
6. Hart, Jason, Newman, etc. Understanding and Evaluating Children's Participation in Development, Plan Ltd and Plan International UK, London, 2004.
7. Miller, Jenn. Children as Change Agents: A review of child participation in periodic reporting on the Convention on the Rights of the Child, World Vision, Ontario, 2008.
8. Children's Homes. National Minimum Standards. Department of Education, London, 2011.
9. Children as active citizens. A policy and programme guide. Inter Agency Working Group on Children's Participation (IAWGCP), 2008.
10. Putting Children at the Centre: a practical guide to children's participation. Save the Children, 2010.
11. Jenna K. Gillett-Swan, Jonathon Sargeant . Voice Inclusive Practice, Digital Literacy and Children's Participatory Rights, Children and Society, Volume32, Issue2, March 2018.
12. Васильева Н.В., Кочнев С.В. Участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы: опыт измерения. Научные ведомости Белгородского государственного университета, 2013, № 2 (145).
13. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики, 2016, 14 (4). с. 507–520
14. Русакова М.М., Одинокова В.А., Захарова Ю.П. Благополучие и соблюдение прав детей-сирот: руководство по проведению опроса детей и отчет о пилотном исследовании. Санкт-Петербург, РОО СПСБН «Стеллит», 2015.

15. Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах. Доклад Исследовательского центра «Инноченти», Выпуск 7. Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти», Флоренция, 2007.

16. Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения, 2014 г. Доступно по ссылке: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html (дата обращения 10.07.2019)

DOI 10.38085/2308829X-2020-2-26-31

УДК 304.444

Сарна А.Я.

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

Сарна Александр Янисович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета. E-mail: alsar.05@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена возможность использования активного общественного участия как инструмента влияния на принятие решений и гражданского контроля при отстаивании прав местных жителей в белорусских городах.

Ключевые слова: гражданский контроль, общественное участие, адвокация, инклюзивность, публичная сфера.

CIVIL ACTIVISM AND PUBLIC INITIATIVES IN THE PUBLIC SPHERE

Alexandr J. Sarna, Associate Professor, Associate Professor, Department of Social Communication, Belarusian State University

Abstract. The article considers the possibility of using active public participation as an instrument of influence on decision-making and civil control while defending the rights of local residents in Belarusian cities.

Keywords: civil control, public participation, advocacy, inclusiveness, public sphere.

Цитирование: Сарна А.Я. Гражданский активизм и общественные инициативы в публичной сфере // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 26-31

Понятие публичной сферы является сегодня одним из наиболее важных в социальных и гуманитарных науках. Оно предполагает возможность реализации представлений о справедливом общественном устройстве, правах и свободах человека, диалоге между различными социальными группами, которые выступают

на социальной сцене как достаточно автономные и инициативные публики и контрпублики, стремящиеся к реализации своих целей и достижению собственных интересов [1]. Столкновение и поляризация конкретных тактик и стратегий, которые исходят от данных социальных субъектов, приводит к возникновению ге-

терогенных политических практик, регуляция которых не всегда может осуществляться успешно с помощью имеющихся государственных институтов. В такой ситуации на сцену выходят общественные организации и гражданские инициативы, которые и стремятся достичь согласования столь разных, порой взаимоисключающих позиций.

В общественной сфере каждого города или региона можно выделить политических акторов, которые, не являясь представителями органов власти и не обладая их полномочиями, тем не менее, оказывают заметное влияние на то, какие проблемы и как здесь решаются или замалчиваются. В первую очередь речь идет не столько о роли бизнеса, сколько о разных формах общественного участия, где на уровне организованных групп действуют негосударственные организации (НГО) и общественные движения разной степени институционализации. Российские исследователи Е. Белокурова и Д. Воробьев включают в них следующие объединения:

1. Традиционные общественные некоммерческие организации, способствующие реализации социальной политики на локальном уровне зачастую еще с советских времен (советы ветеранов, общества инвалидов, подростковые клубы и т.д.).

2. Экспертные негосударственные организации, как правило, возникшие в 1990-е годы, обладающие высоким уровнем профессионализации и имеющие богатый опыт социальной экспертизы. Обычно они официально зарегистрированы и включены в республиканские и международные сети (правозащитные организации, экологические центры и другие).

3. Стихийные проблемно-ориентированные инициативы, возникающие при появлении угроз, значимых для населения в целом и/или для отдельных социальных групп. Как правило, это временные объединения граждан, которые вынуждены выступать в защиту своих прав, поскольку госструктуры в этом не заинтересованы [2]. Для этого активисты используют практику «адвокации», которая в постсоветских странах еще не нашла широкого применения.

Advocacy – термин из практики негосударственных европейских и американских правозащитных организаций. Он означает деятельность, направленную на представительство, отстаивание интересов и защиту прав определенных социальных групп. В русском языке этот термин пока не имеет устоявшегося эквивалента, поэтому используются такие понятия, как «адвокация», «эдвокаси», «адвокатирование», «лоббирование» [3]. Адвокация реализуется как процесс воздействия на людей, принимающих решения, а также на общественное мнение с целью защиты общественных интересов и прав различных социальных групп. В результате осуществляются реальные изменения в жизни людей посредством институционализации демократических процедур и «мирного внедрения» новых позитивных представлений и норм, что в идеале должно привести к более справедливому социальному порядку.

Адвокация подразумевает возможность влиять на общественные процессы, включая публичное администрирование и решения о распределении ресурсов внутри политических, экономических, социальных систем и институтов, от которых напрямую зависят условия жизни граждан. Для этого при адвокати-

ровании организуются и проводятся различные гражданские инициативы и информационные кампании, которые для массовости, как правило, охватывают сразу несколько социальных групп, у которых имеются общие интересы. В таком случае объектом воздействия адвокати-кампаний являются государственные учреждения (организации), а целью воздействия – осуществление конкретных структурных изменений (например, принятие законов) в отношении группы, интересы которой таким образом отстаиваются.

При этом следует отличать адвокату от пропаганды, так как они преследуют разные цели: первая стремится к защите прав, а вторая – к распространению сведений, формированию взглядов и убеждений. Основываясь на таких характеристиках, как изменение баланса власти и влияние на органы госуправления, адвокатура по умолчанию включается в политику как публичный процесс принятия решений. Класен и Миллер отмечают, что среди многих донорских организаций и НГО существует тенденция избегать любой активности, связанной с политической деятельностью или хотя бы напоминающей ее [3]. Однако аполитичность влияния не позволяет решить проблему социальной справедливости, так что группам адвокации не следует уклоняться от политики.

Таким образом, усилия адвокации при стремлении к социальной справедливости должны учитывать всех, кто заинтересован в ней. Чем больше кампании адвокатирования инклюзивны и открыты для присоединения разных стейкхолдеров (заинтересованных сторон), тем более эффективными они будут. В качестве примера успешной адвокати-кампания

можно привести масштабную акцию республиканского масштаба «Инклюзивная Беларусь: не оставляя никого в стороне в достижении Целей устойчивого развития», которая была реализована в 2016 году. Она была инициирована представительством ООН в Беларуси в партнерстве со многими общественными организациями. Главная цель кампании заключалась в привлечении внимания к вопросам равных прав и возможностей, включения в процессы развития общества всех людей вне зависимости от возраста, пола, состояния здоровья, этнической принадлежности, религии и происхождения [4].

В современных городах общественное участие иногда проявляется и в так называемой «проблематизации», которая может сопутствовать любой стадии принятия решений и осуществляться не только через институциональные механизмы, но и через протестные действия (а в ряде случаев происходит и совмещение этих сценариев). Обычно в исследованиях развитых демократий протестное поведение в целом расценивается как вызов политической системе, не относящийся к конвенциональным формам общественного участия. Однако в России и Беларуси локальные протесты стоит рассматривать именно как проблематизацию политических решений, принимаемых или принятых ранее в рамках деятельности местных режимов управления [2].

Протесты состоят из организованных усилий и действий, основанных на категорических требованиях решения вопросов и проблем, которые были проигнорированы и отброшены, однако влияют на общественные настроения, принятие и исполнение законов для того, чтобы восстановить

справедливость. В нашей локальной политике наиболее заметными примерами такой проблематизации выступают массовые протесты, возникающие по поводу различных градостроительных и инвестиционных проектов. «Подавляющее большинство местных протестных инициатив выносит на повестку жилищные вопросы и проблемы охраны городской и природной среды. Речь идет о движениях против “уплотнительной застройки”, вырубки скверов и парков, выселения жителей из аварийного и ветхого жилого фонда, роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги или, наоборот, – в защиту прав обманутых дольщиков» [2].

В контексте проблематизации политических решений на местном уровне следует различать протесты спонтанно возникающих объединений местных жителей и коллективные действия официально зарегистрированных организаций, поскольку у них разные возможности и ресурсы для реализации своих намерений. Как правило, местные жители вовлекаются в конфликтное противостояние лишь в тех случаях, когда напрямую затрагиваются их интересы и приобретают опыт политического участия непосредственно в ходе протестных действий. Они могут защищать свой двор от застройки, предлагая построить новое здание или опасное предприятие где-нибудь в другом месте, и выдвигают свои претензии в рамках тактики, получившей название NIMBY (not in my backyard – «только не в моем дворе»).

Такие ситуации показывают, что «локальные протестные инициативы, их возникновение и эволюция связаны не только с политическими возможностями, но и с внутренней логикой развития общественных дви-

жений. Протесты преимущественно возникают там, где не работают механизмы общественного участия в выработке политического курса, из-за чего в рамках локальных режимов принимаются решения, ущемляющие права и интересы тех или иных социальных групп» [2]. При этом важную роль внутренней организации в движениях протеста играют их лидеры, которые уже участвовали в подобных акциях или судебных разбирательствах и способны возглавить инициативную группу, опираясь на свой опыт. Они также могут стимулировать поддержку своих действий со стороны НГО и различных политиков, что может радикализировать или, напротив, смягчить развитие конфликта, приведя к его разрешению в институциональных рамках.

Чтобы предотвратить развитие негативных сценариев и их радикализацию в локальных протестах, необходимо добиться смещения акцента в социальной политике на «инклюзивное» управление публичной сферой. Ориентиром может стать переход от *управления к участию*, когда государством при содействии населения должны реализовываться такие практики, которые стимулируют гражданскую инициативу «снизу» – партиципация, кооперация и коммуникация между стейкхолдерами. В таком случае реализуется формат «коалиционных политических режимов», совмещающий практики местного самоуправления и партиципативного планирования на основе устойчивой сети формальных и неформальных коммуникаций между акторами, обладающими доступом к необходимым для управления ресурсам.

Однако ситуация осложняется тем, что возможность установления партнерских отношений между по-

литико-административными элитами и негосударственными акторами затруднена ввиду слабости либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, отсутствия независимой правоохранительной и судебной системы, расширения бюрократического контроля и сужения сферы публичной политики. В итоге гражданская активность, особенно у молодежи, смещается «в плоскость более или менее приватной повседневной гражданственности и эмоционально окрашенного патриотизма. Повседневная гражданственность – это гражданственность малых дел. Имеется в виду, что [человек действует], во-первых, в контексте своей группы, которой он доверяет и которая разделяет его ценности и идеи, а, во-вторых, исключительно в той мере, в которой он может что-то изменить. Государственная же политика воспринимается как нечто чуждое и далекое: то, в чем ему нет места, потому что нельзя ни на что повлиять» [5].

Так, в Беларуси доверие к органам госуправления существенно снизилось после принятия декрета номер 1, направленного на предотвращение «социального иждивенчества» и последовавших в 2017 году массовых протестов против его реализации. В итоге пришлось пересматривать положения декрета и дорабатывать его, применяя принцип «дойти до каждого», известный еще с советских времен. Однако, как отмечает А. Класковский, эти усилия «будут иметь ограниченный эффект. Ведь сама система белорусской вла-

сти порочна в том плане, что у нас нет самоуправления, децентрализации» [6]. В таких случаях активная общественность может брать на себя функции контроля за происходящими процессами и вмешиваться в них, когда посчитает это возможным.

Так, в феврале-марте 2017 года произошел инцидент в Куропатах под Минском, когда застройщик бизнес-центра попытался начать строительные работы в непосредственной близости от мест захоронения жертв сталинских репрессий. Однако в дело вмешались активисты – инициативу взяла на себя общественная организация «Молодой фронт», устроив акции протеста, которые нашли поддержку у местных жителей. В итоге строительство бизнес-центра пришлось остановить и застройщик свернул все работы на объекте [7].

Буквально в это же время произошло ЧП на строительстве жилого комплекса «Маяк Минска», когда обрушилась опалубка возводимого второго этажа в одном из зданий. Застройщик попытался замаять скандал и дал ложную информацию о «планируемом демонтаже», однако свидетели происшествия разместили в интернете фотоснимки со стройплощадки, разоблачая ложь и вызывая проверку со стороны Госстройнадзора [8]. Эти случаи свидетельствуют о возможностях активного участия общественности в разрешении конфликтов и вмешательстве в ситуацию на локальном уровне, однако об их влиянии на принятие управленческих решений государственного уровня в целом говорить пока не приходится.

Библиографический список

1. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

2. Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России / Е. Белокурова, Д. Воробьев. – URL: <http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1768/index.html> (дата обращения 08.04.2018).

3. Адвокация: власть и участие народа. Пособие для работников по адвокации и социальной справедливости. – URL: <https://www.slideshare.net/Evlampieva4life/ss-25850751> (дата обращения 08.04.2018).

4. Бушик С., Ходор Е., Войтик А., Судников А. Железнодорожный вокзал в Минске пел и танцевал. Финишировала кампания «Инклюзивная Беларусь» / С. Бушик, Е. Ходор, А. Войтик, А. Судников. – URL: <https://news.tut.by/society/523267.html> (дата обращения 08.04.2018).

5. Взятышева В. «Это молодежь с высоким ощущением опасности»: социолог Е. Омельченко – о том, почему 18-летние доверяют президенту и как изменились современные субкультуры / В. Взятышева. – URL: https://paperpaper.ru/campus/omelchenko/?utm_source=meduza&utm_medium=partners&utm_campaign=friends (дата обращения 27.03.2018).

6. Печенко С. Как Кочановой повернуть власть лицом к народу? Эксперты оценили и дали пошаговую инструкцию / С. Печенко. – URL: https://gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=132689 (дата обращения 08.04.2018).

7. Стройка остановлена, лагерь свернут: противостояние в Куропатах закончено. – URL: https://news.tut.by/economics/534163.html?utm_source=news.tut.by&utm_medium=news-bottom-block&utm_campaign=relevant_news (дата обращения 08.04.2018).

8. Журавлевич, С. Госстройнадзор приостановил строительство дома в «Маяке Минска» / С. Журавлевич. – URL: <https://realty.tut.by/news/offtop-realty/533616.html> (дата обращения 08.04.2018).

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Петрониевич Горан, руководитель адвокатского бюро «Петрониевич и партнеры», адвокат Гаагского трибунала по бывшей Югославии

Аннотация. В статье анализируются причины, хронология и последствия распада СФРЮ.

Ключевые слова: этнический конфликт, гражданская война, беженцы, дезинтеграция; политическая трансформация, этнический состав, национализм, вооруженное противостояние.

ENFORCEMENT OF DECISIONS OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT IN RESPECT OF THE FORMER YUGOSLAVIA

Goran Petronijevic, the head of lawyer Bureau «Petronijevic and partners», advocate of the Hague Tribunal for the former Yugoslavia

Abstract. The article analyzes the causes, chronology and consequences of the collapse of the SFRY.

Keywords: ethnic conflict, civil war, refugees, disintegration; political transformation, ethnic composition, nationalism, armed confrontation.

Цитирование: Петрониевич Г. Правоприменительные практики решений международного уголовного суда в отношении бывшей Югославии // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 32-44

Введение. В своей истории сербский народ, проживающий на Балканском полуострове, сталкивался множество раз с миграцией собственного населения, эти миграции были обусловлены международными событиями. Не было ни одного века в истории сербского народа, чтобы не происходили крупные движения сербского населения, переселения с одних территорий на другие, затем смещение на территории других государств или даже других континен-

тов. Эти миграции в основном происходили или насильем, или серьезной угрозой насилия. Миграция населения, вызванная экономическими причинами, также имела место быть в определенные исторические периоды, но она охватывала небольшую часть сербского населения, поэтому не столь значима в контексте нашего исследования. Почти все миграции сербского населения с сербских территорий обусловлены крупными столкновениями, в которых участво-

вали другие державы, где Сербия, по причине своего геостратегического положения была вынуждена определяться с участием в интересах одной из сторон столкновения.

Балканский полуостров населен народами различных национальностей и различных конфессий: от православных христиан, католиков, до мусульман и иудеев. Очень часто в истории происходили столкновения между этническими группами, а нередко и между конфессиональными группами. Одним из таких примеров является и последняя гражданско-религиозная война, которая велась в течение 1990-х гг. на пространстве бывшей Югославии, с целью развала бывшей Югославии.

История миграция сербов. Великое переселение сербов произошло в начале 1690 года, в течение Великой турецкой войны, которая продолжалась с 1683 по 1689 год, и в этой войне сербы воевали на стороне австрийского войска против турок. После мирного соглашения большое число сербов было вынуждено покинуть свои дома из таких областей, как Косово, Метохия, Южная Сербия. В этом переселении, во главе которого находился патриарх Арсений Третий Чарноевич, только из Косово ушло 37 000 семей-беженцев, соответственно почти 200 000 человек. Бежавшие сербы поселялись по северную сторону от Дуная, на пространствах сегодняшнего края Воеводина и на территориях Хорватии и Венгрии.

Незадолго после этого, после австрийско-турецкой войны, которая велась с 1737–1739 гг. произошло Второе великое переселение сербов под руководством Арсения Четвертого Йовановича, в тот момент сербского патриарха, началось также с пространств Косово, Метохии и

Южной Сербии, сербы поселились на территории Австро-Венгрии, Венгрии, а некоторые группы сербских беженцев добрались до Луганска и Донецкой области, где и в настоящее время можно найти следы сербского происхождения у населения. В данном переселении участвовало свыше двухсот тысяч человек. Кроме того, а в отличие от предыдущего, турки отомстили тем, что они убили свыше 100 тысяч сербов, так что в беженцах смогли остаться немного больше 80 тысяч.

Большая часть сербских беженцев, населенных на пространствах Австро-Венгрии, в такой мере ассимилирована, что почти нет и следа сербского происхождения на этих пространствах.

В течение Первой мировой войны с 1914–1918 г. Сербия в войне с Австро-Венгрией и Центральными силами потеряла 1 млн 300 тыс. чел., что составляло 1/3 часть всего населения, или 61% мужского населения. Большая часть населения Сербии бежала от террора австро-венгров, немцев и болгар [1].

После Первой мировой войны король Александр Карагеоргиевич под давлением международного сообщества допустил крупную историческую ошибку, согласовав создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (позже Королевства Югославия), вместе с народами, которые в Великой войне воевали на стороне противника (хорваты и словенцы). Сербия таким образом из страны победительницы стала проигравшей, т.к. она своей государственностью и суверенитетом поделилась с хорватами, словенцами и другими. Католическая часть населения Королевства Югославии, в основном хорваты, под опекой и защитой фашистской

Германии создала НДХ – Независимое государство Хорватию. Это было созданием чисто фашистского типа, с выраженной фашистской идеологией и почти беспрецедентными методами уничтожения других народов, в большей степени сербов. В течение первого периода из Хорватии насильственно выгнано свыше 300 тыс. сербов, и они двигались к югу. В походах на сербские земли и в концентрационных лагерях Ясеновац и Стара Градишка были зверски убиты свыше 750 тыс. сербов. Далее, с помощью поддержки со стороны католической церкви и Ватикана, перевели в католическую веру около 250 тыс. православных с пространств Боснии и Герцеговины и Хорватии, так что численность сербского населения на этих пространствах уменьшилась в несколько раз. Таким образом, беженцами стали свыше 400 тысяч сербов.

Почти все народы, за исключением сербов и небольшого числа коммунистов других национальностей, в течение Второй мировой войны вступили в коллаборацию с фашистами, среди них были и албанцы. Изгнание сербов с Косово и Метохии было продолжено, а на их земли поселились албанцы и, таким образом, резко изменилась этническая картина сербских пространств – было изгнано около 200 тыс. сербов.

В то же время после Второй мировой войны коммунисты переселили большое число сербов из Боснии и Герцеговины на территорию нынешней Воеводины и это дополнительно изменило этническую картину в новом государстве, кроме того, сербам-беженцам был запрещен возврат на территорию Косово и Метохию.

Гражданская война и предпосылки распада Югославии В течение 1990-х гг. двадцатого века продол-

жились страдания и движения сербского населения со всех территорий бывшей Югославии, за исключением Центральной Сербии. План Германии, Ватикана и США в 1990-е гг. о развале Югославии подразумевал инициирование гражданской войны и незаконного отделения Республик бывшей Югославии. Гражданская война затеяна почти на всех территориях бывшей Югославии, а ее самые кровавые последствия были на территории Боснии и Герцеговины и Хорватии, где гражданская война получила в том числе характер религиозной войны. В целом план западных сил подразумевал этническую чистку сербов с территории Словении, Хорватии, большей части Боснии и Герцеговины и Косово и Метохии. Для того, чтобы реализовать план развала бывшей Югославии, и при помощи масштабной пропаганды, были подменены понятия о произошедших событиях. Дело в том, что там, где сербы были жертвами, их провозглашали преступниками, там, где, произошли этнические чистки сербов с больших пространств Хорватии, Боснии и Герцеговины и Косово и Метохии, сербский народ осудили за этнические чистки других.

Гражданская война началась со столкновений в Словении, где словенские боевики блокировали казармы, в которых размещена ЮНА, отключением электричества и воды, атакой на транспортные средства для снабжения, в том числе машин врачей. В данных столкновениях по разным оценкам пострадали 40 тыс. невооруженных военных, 146 тыс. были ранены. Из убитых 44 солдат, двое были убиты пулей в затылок. Никто никогда ни перед одним судом не отвечал за это преступление [3].

Данные столкновения спровоцировали миграционный поток

сербских беженцев, которые массово покидали свои квартиры и дома и убегали к Боснии и Герцеговине и к Сербии. Исследователи оценивают, что около 50 тыс. чел., в том числе сербской национальности бежали из Словении в этот период [3].

В Хорватии война началась в мае 1991 года, когда хорватские власти провозгласили преемственность с усташским государством Хорватией и из конституции удалили сербский народ в качестве конституционного элемента. Это стало первопричиной насилия над сербами и уже на первом этапе спровоцировало изгнание почти 300 тыс. сербов из хорватских городов – Загреб, Осиек, Сплит, Шибеник и т.д. После этого произошло массовое вооруженное восстание на территории Хорватии и создание трех отдельных областей, которые составили Республику Сербску Крайину. Сопrotивление сербского народа длилось несколько лет, в надежде, что мировое сообщество справедливо применит международное право, и что оно защитит сербов от погрома. В очередной раз наивное доверие в международное сообщество обернулось крахом для сербского народа, так как именно это международное сообщество, которое олицетворяет США и НАТО вооружало и обучало хорватскую армию. В трех отдельных акциях крупной атаки на сербские пространства с мая по сентябрь 1995 г. из Западной Славонии, области Книнска Краина и из Восточной Славонии, было изгнано 300 тыс. сербов, а почти 10 тыс. чел. Мирного населения либо бесследно исчезли, либо были убиты. Военные операции хорватской армии были спланированы, и ими руководили военные американские корпорации с прямой поддержкой НАТО.

Самая кровавая часть войны на территории бывшей Югославии произошла на территории Боснии и Герцеговины, где по данным до начала столкновения жило население мусульманской, сербской и хорватской национальности, соответственно, мусульмане, католики и православные. Разжигание столкновений международным сообществом привело к кровавой гражданской и религиозной войне, в которой пострадало около 100 тыс. чел., а выселено, по разным подсчетам, 1 млн 800 тыс. жителей.

Если рассмотреть статистическую структуру пострадавших и выселенных, в Боснии и Герцеговине, то можно заметить, что она соразмерна численности населения всех трех народов до самого начала войны. Из общего числа 100 тыс. погибших, около 30 тыс. сербов, 12 тыс. хорватов, оставшуюся часть составляют мусульмане. Сербский народ на территории Боснии и Герцеговины смог организовать, это сделали и военные и гражданские лица для сохранения большей части своих этнических пространств для того, чтобы после мирового соглашения из Дейтона в рамках Боснии и Герцеговины создать Республику Сербску, с большой степенью самостоятельности по отношению к центральной власти в Сараево. В период после заключения мирного соглашения беженцы всех национальностей должны были вернуться на места, где они жили до войны. Заметим, что на территорию Республики Сербска, откуда в течение столкновения выселились хорваты и мусульмане, большему числу беженцев удалось вернуться. Сербов, выгнанных с пространств, на которых жили мусульмане и хорваты до настоящего времени, вернулось незначительно число.

В течение данных столкновений реализована еще одна часть плана о развале бывшей Югославии и создан Международный уголовный суд по бывшей Югославии, местонахождение которого в Гааге, он более известен, как Гаагский трибунал, а о его работе будет написано ниже.

Со времени окончания столкновений в Боснии и Герцеговине и Хорватии началась интенсивная активность Запада по подготовке мятежа на Косово и Метохии. По их плану, это должен был быть предпоследний шаг в полном развале сербской нации и в оккупации сербских пространств. Интенсивные подготовки длятся в 1996 и в 1997 году, обучение и вооружение албанцев с Косово на территории Албании. Были созданы центры обучения во множестве городов вдоль границы с Сербией, в которых инструкторы НАТО обучали албанцев по террористическим активностям, которые, в свою очередь, должны были инициировать столкновения на Косово и Метохии. Таким способом под руководством Запада и его служб разведки создана ОВК, террористическая активность которой началась уже в 1998 году. В течение первого периода даже и США провозгласило ОВК террористической организацией, но когда они поняли, что она именно является продуктом разведок Запада, террористическая организация ОВК в течение ночи провозглашена освободительной ОВК. В течение 1998 и в начале 1999 гг. ОВК организует большое число терактов на Косово и Метохии и проводит террор над гражданским населением, не только сербами и неалбанцами, но и над албанцами, которые не согласились с их идеологией. Решение о бомбардировании СРЮ (превосходно Сербии) в НАТО было при-

нято гораздо раньше, но в конце 1998 и в начале 1999 года они находились в активном поиске причин реализации данного плана.

Начало бомбардировок Югославии

После агрессии в 1999 году, в частности, бомбардировки погибло 2,5 тыс., после чего было подписано Кумановское соглашение, подразумевавшее вывод сербских сил безопасности с Косово и Метохии и одновременно принятие на себя контроля данной области международными силами. В течение вывода сербских сил и после него произошло массовое выселение сербского населения. Во время вывода сербских сил уже появились массовые террористические вооруженные образования албанцев, которые выгоняли и убивали сербов, как последствие выселено около 250 тыс. сербов с Косово и Метохии. Несколько тысяч убиты, а на сегодняшний день около 1300 тыс. человек считаются пропавшим без вести.

После того, как сербские силы были выведены, а частично и в течение столкновения все албанцы вернулись на свои территории, а из числа выгнанных сербов до настоящего времени вернулись только трех процентов. Таким образом, этническая структура Косово и Метохии изменена в такой мере, что сербов, которые в течение множества веков жили на Косово и Метохии, стало менее 10%.

Также одним из значимых механизмов этнической чистки сербов, которые мы привели по республикам и пространствам, захваченных войной, являются и так называемые суды по военным преступлениям. Гаагский трибунал, суды по военным преступлениям в Загребе, Сплите, Сараево,

Приштине, к сожалению, и в Белграде за последние два десятилетия по стратегии, навязанной Западом, занимались исследованием и процессуализацией только преступлений сербов, а одновременно и аболицией преступлений словенцев, хорватов, мусульман и албанцев. Такая стратегия привела к созданию полностью ложной картины о том, что сербы – преступники, а все остальные – жертвы. Такое представление дел удобно только для Запада и НАТО, которые через создание такой картины оправдали то, что они заняли пространство бывшей Югославии и их своеобразную оккупацию. Будучи адвокатом, я участвовал в процессах защиты обвиняемых сербов перед почти всеми вышеназванными судебными процессами и дальше приведем некоторые обзоры, которые, надеюсь, покажут новый свет характера данных судебных процессов.

Международный суд по уголовному преследованию лиц, ответственных за тяжкие нарушения международного гуманитарного права начинается на территории бывшей Югославии с 1991 года, или Международный уголовный суд по бывшей Югославии (МТБЮ), созданный Советом безопасности ООН на основании Устава, утвержденного 25 мая 1993 года, Резолюцией 827, резолюциями Совета безопасности ООН, которые много раз менялись, основной целью которого являлась реализация универсального принципа уголовной ответственности лиц, ответственных за нарушение международного гуманитарного права и правил ведения войны. Такая деятельность должна была создать судебные прецеденты и обеспечить иную цель создания МТБЮ в соответствии с резолюциями Совета без-

опасности ООН – создание условий для примирения между народами и этническими группами, которые участвовали в столкновениях на территории бывшей Югославии в период с 1991 года и дальше.

Деятельность международного трибунала по бывшей Югославии С самого создания и начала практической работы Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) проявилось множество слабостей, которые наконец, по оценке множества юридических экспертов отрицательно повлияли на его имидж и доверие, которые авторитетом своих решений и самим созданием делегировал Совет безопасности ООН. МТБЮ своей работой и способом принятия и проведения определенных решений не выполнил ожидания и задания, по которым его создан Совет безопасности ООН. В качестве результата таких действий МТБЮ сегодня, 25 лет после его создания, появляется вопрос реализации цели оправданности создания такого Ad-hoc трибунала, как МТБЮ. Большое число специалистов по праву, но и просто сообщество, следящее за работой МТБЮ, могут прийти к выводу, что в его работе и способе применения устава, по которому он создан, международных правовых правил по данной области, а особенно в положении о процедуре и доказательствах, а также и в процессуальном кодексе МТБЮ существуют необъяснимые несоответствия.

Простым просмотром статистических данных об этнической структуре лиц, против которых по поручению МТБЮ возбуждены дела, затем лиц, против которых проводилось судебное рассмотрение, лиц, которые приговорены, а особенно анализ видов и размеров применяемых

наказаний, можно прийти к выводу, что в работе МТБЮ доминировала дискриминация сербского народа на всех территориях бывшей Югославии. Таким образом, произошли нарушения универсальности принципа запрета военных преступлений и необходимости наказания за них, несмотря на этническую или религиозную принадлежность исполнителей военных преступлений. Все жертвы преступления должны были предстать перед судом. В практической работе МТБЮ выявлялись очень серьезные различия в применении стандартов отдельных правовых правил и правовых институтов между «сербской стороной» по отношению к другим сторонам.

Начиная с создания МТБЮ, 161 обвиненных были процессуированы, из них 90 приговорены, 18 обвиненных были освобождены от обвинений, а для 3 обвиненных процесс продолжается в настоящее время (один по жалобе перед Механизмом и два на повторном судебном процессе перед Механизмом). Международный резидуальный механизм по уголовным судам (Механизм) создал Совет безопасности Объединенных наций 22 декабря 2010 года для того, чтобы он продолжил компетенции, права, обязательства и ключевые функции Международного уголовного суда по Руанде (МКСР) и Международного уголовного суда по бывшей Югославии (МТБЮ) после окончания их мандатов. Для 13 обвиняемых дела переданы в национальные суды, а для 37 обвиняемых иски отозваны, либо обвиняемые скончались.

Простым сравнением численности населения народов и этнических групп, которые составляли бывшую СФРЮ, по последней переписи до

начала столкновений и числа лиц из тех же народов и этнических группировок, пострадавших в данных столкновениях, мы увидим почти математический паритет, то есть почти все стороны в данной войне пострадали почти в одинаковой мере. Высказывается и следующее логическое предположение, что среди всех народов и этнических группировок были лица, которые совершали акты, которые можно квалифицировать, как военные преступления, а это подразумевает и определенный статистический паритет в числе приговоренных и число приговоров перед МТБЮ. Из приведенного можно увидеть, что данный паритет различным применением стандартов МТБЮ в большей мере нарушен.

Общеизвестно, что в столкновениях, особенно на территориях БиГ и Македонии, участвовали между собой и лица из других народов и этнических группировок, без участия сербского народа, и что и в этих столкновениях совершено большое число уголовных преступлений, в который сербская сторона не имела никакого участия. Предметом судебных рассмотрений перед МТБЮ, когда речь идет о боснийцах и хорватах в большей мере являются именно части столкновений на территории бывшей Югославии между хорватами и мусульманами, но не и преступления хорватов и мусульман против сербской стороны. Задаемся вопросом от какой стороны только на территории БиГ пострадало почти тридцать тысяч сербов, из чего почти больше половины гражданского населения? Кто убил такое число человек и кто ответствен за эти дела? Такой вопрос можно задать по большому числу в основном гражданских жертв на территории Косово и Метохии. Ответ на данные и такие вопро-

сы, когда последствие – на сербской стороне МТБЮ, также, как и другие суды, не дал.

Нет необходимости напоминать о том, что равенство всех людей представляет собой один из фундаментальных принципов для осуществления любого из прав человека, установленных Универсальной декларацией о правах человека в 1948 г. Международное соглашение о гражданских и политических правах, включая и устав самого МТБЮ недвусмысленно гарантируют равенство всех, с равным соблюдением их прав перед международными судами. Неодинаковое поведение по отношению к обвиняемым в уголовной процедуре полностью разрушает данную концепцию и серьезно ставит вопрос легитимности, легальности и справедливости решений, принятых в таких процедурах.

В практическом применении отдельных материально правовых и процессуально правовых институтов в процедурах перед МТБЮ произошли их слишком широкие толкования и непостоянные применения. Такие деформации чаще всего, как я уже привел, происходят в процедурах против обвиняемых сербской национальности по любому происшествию на пространствах бывшей Югославии.

Один из самых проблематичных институтов, применяемых перед МТБЮ, когда речь идет о формах ответственности процессуированных лиц – это определение и применение и внешнее толкование объединенного преступного действия в качестве формы ответственности. Применение данного института способом, которым в своей работе и в своих решениях толковал их МТБЮ, привел к самой широкой формы ответствен-

ности, которое граничит и в некоторых моментах становится объективной ответственностью совокупных народов и этнических группировок, следовательно, большое число невиновных лиц делает ответственным. Особенно в рамках УЗП три – обвинения за преступления, которые у вас никогда не было намерения совершить, а они только до определенных пределов были предвидимыми, представляет собой один из таких видов ответственности. Такое правовое толкование и применение данной формы строгой (неизбежной) ответственности МТБЮ может включить в себя любое отдельное лицо, от простого солдата до верхов командной структуры, с одним только условием – чтобы вы участвовали любым способом в военных действиях на какой-либо стороне. Это произошло и в случае столкновения на территории бывшей Югославии. Исходя из такого предположения, учитывая третью форму ответственности в рамках УЗП, это бы просто значило, что кто бы ни выполнил свое конституционное обязательство и включился любым способом в столкновение, мог бы предвидеть, что в данных столкновениях будут военные преступления и на его стороне, и поэтому и он может стать ответственным за такие действия. Наряду с лицами, которые воевали в столкновении на одной из сторон (военные, полицейские и подобное), третья форма ответственности УЗП включает в себя и некоторые гражданские структуры, которые в этот момент находились у власти. Внешним толкованием УЗП и включением в ответственность политических факторов приходим к парадоксальной возможности, чтобы в крайнем случае, каждый гражданин, который голосовал за определенную политическую опцию, мог предви-

деть, что данная политическая опция охвачена УЗП, что дальше могут случиться военные столкновения или гражданская война, в которой, наверное, будут совершены преступления, по которым, вот и голосующий может нести ответственность. Это абсолютно неприемлемо, и это указывает на полный абсурд применения и толкования такой формы ответственности перед МТБЮ.

Такое расширение ответственности представляет собой отрицание одного из основных правил уголовной ответственности – индивидуальной ответственности за совершение уголовного преступления. Целью ведения уголовных процедур во всех законодательствах в мире, включая и процедуру, утвержденную в МТБЮ, является четкое утверждение индивидуальной ответственности каждого лица в отдельности и утверждение его роли в совершении каждого преступления в отдельности. В конце моего изложения об УЗП необходимо подчеркнуть следующее: После рассмотрения исков и действующих вердиктов несложно утвердить, что данная проблематичная форма ответственности предназначена для «сербской стороны». Когда речь идет о «сербской стороне» УЗП охватил и в Республике Сербия и в Республике Сербска все военные, политические, силовые и местные структуры власти.

Уже общеизвестно, а в новое время и установлено научно и исторически, что основной причиной появления межэтнических столкновений и гражданской войны на территории бывшей Югославии и развала бывшей СФРЮ является вмешательство внешних факторов, и что все это сопровождается сецессией бывших республик и краев. Ставим вопрос, несли бы ответственность части ми-

рового сообщества, которые поддерживали, помогали, подстрекали, а в некоторых ситуациях и напрямую участвовали в развале бывшей Югославии и в сецессии ее частей? Знали ли они, что такие активности непременно будут развиты в гражданскую войну, в течение которой будут совершены преступления?! Знали ли они, что преждевременное и международному праву противное признание самоотделенных частей территории суверенного государства подстрекает межэтнические столкновения, которые в такой момент стали предвидимыми? Мог ли тот, кто вооружал отдельные стороны и передавал другие материальные товары в течение самого столкновения предвидеть, что это оружие и материальные средства могут быть используемы для совершения преступлений?

Если бы стандарты применения УЗП и поддержка и помощь были применены на конкретные иностранные факторы, которые имели ключевую роль в развале бывшей Югославии, привело ли бы это к их ответственности, и поддерживали ли бы тогда эти части мирового сообщества такие стандарты перед МТБЮ?

Толкование и применение положений международного уголовного права, которые определяют геноцид в качестве одного из тяжелейших актов нарушения международного права, перед МТБЮ также очень проблематичны. Внешне и на множестве предположениях обоснованное толкование понятия геноцида привело к полному абсурду. Определение геноцида на основании объективного элемента (числа погибших) без четкого субъективного элемента (геноцидного намерения) также неприемлемо. Посредственное выделение субъективного элемента (геноцидного на-

мерения) из объективного элемента (способа и последствий совершения некоторых форм военных преступлений) также неприемлемо. Способ квалификации событий в и вокруг Сребреницы в 1995 году представляет именно один из таких примеров. Решение МТБЮ, что сербская сторона в Сребренице совершила геноцид над мусульманами – это решение, обоснованное на предположенном числе пострадавших на мусульманской стороне, а это число никогда четко ни в одной из судебных процедур не утверждено способом, надлежащим судебной практикой во всех странах в мире. Создание нового понятия «ситуационного (моментального) геноцидного намерения» представляет собой отрицание всего, что геноцид в сути есть. Создается впечатление, что в данной ситуации одно политическое решение и заранее, вероятнее всего необходимое для собственного оправдания решение, должно было получить подтверждение через судебную процедуру. В такой ситуации процедура принятия решений была полностью обратной по отношению к регулярной. Вместо того, чтобы к фактическому состоянию применит правовую норму, которая уже определена (определение геноцида), они исходили от предположения, что это должен быть геноцид, а после этого очевидно в такой ситуации МТБЮ был вынужден менять формы важных элементов данного уголовного преступления и приводить фактическое состояние в соответствие с уже принятым решением.

Наряду с данными несколькими материально правовыми примерами способа работы и применения стандартов перед МТБЮ, кажется необходимо указать и на некоторые процессные проблемы судебной

практики, появившиеся перед трибуналом.

Процедура перед МТБЮ в большом числе случаев начинается презумпцией вины, а не презумпцией невиновности¹. Факты, которые являются неотъемлемой частью предварительно принятых действующих решений в новых процессах МТБЮ рассматривает уже утвержденными и под вердиктом, и поэтому уже в начале навязывают презумпцию вины лицу в процессе, и фактически бремя доказательств переносится на защиту. Следовательно, защите необходимо привести данные факты в «разумное сомнение». Отдельную проблему представляют факты, которые в предыдущих вердиктах для обвиняемого в данном конкретном процессе менее важны, так что он их не оспаривал, и индивидуально через процедуру не рассматривал их истинность. Такой факт включается в вердикт, а в следующей процедуре он представляет собой уже утвержденный факт, который следующему обвиняемому в другой процедуре *argiōi* навязывает презумпцию вины, хотя и он, и его защита не имели возможность заниматься правдивостью данного факта любым способом. Чаще всего объяснение судебных веча МТБЮ при отвержении предложения защиты проверить такие виды фактов заключаются в том, что они уже проверялись в другой процедуре, что свидетеля слушала какая-то другая защита. Такая практика неприемлема, так как обвинение и ответственный

¹ В 2009 году в течение первого этапа работы по защите др Радована Караджича, для того, чтобы я подчеркнул деформацию в работе трибунала, на одном научном собрании я сказал: „Перед Гаагским трибуналом презумпция невиновности гласит: невиновен каждый, пока не будет доказано, что он серб“. За это против меня инициировали и вели перед Гаагским трибуналом процесс за неуважение суда, в котором, также как и в других трех случаях процессов против меня, я выиграл.

ность должны быть индивидуальны, а это от своей стороны подразумевает различные спектры рассмотрения определенного факта.

Плохие условия защиты, неравенство в ущерб защиты, недостача материальных средств на защиту, навязывание, а не выбор защитников в большей мере приводят к способу защиты, в которой отдельное лицо, не ознакомленное с правом, сталкивается с большим числом общих и отдельных фактов, занимается исключительно самым низким фактическим уровнем, то есть отдельными фактами, связанными лично с ним. Для него невозможно рассматривать фактические уровни выше, а с аспекта общности данные факты нередко входят в вердикты, при этом они никаким способом не проверены. Новый обвиняемый в новой процедуре, которому такой общий факт навязывает презумпцию виновности, теперь столкнулся со всеми проблемами, с какими сталкивался предыдущий обвиняемый в предыдущей процедуре, с отягчающим обстоятельством – бремя общих фактов, которые суд считает уже доказанными.

Несмотря на фактическую связанность, близость по времени и очень часто переплетением событий из столкновений на территории бывшей Югославии, каждый процесс в отдельности должен быть процессом *sui generis* с аспекта полного фактического состояния. В противоположность этому, а это случалось перед МТБЮ, рассмотрения дел о событиях, по которым уже судили по практике трибунала превращаются в «бумажные судебные рассмотрения». Предотвращение свидетелей появиться *in vivo* перед судом и провести перекрестный допрос его защитой нового обвиняемого, провести

проверку фактов, которые предварительно не оспорены – это представляет собой серьезное нарушение права обвиняемого войти в процедуру с презумпцией невиновности на своей стороне. Презумпция невиновности данным способом перед МТБЮ чаще всего только декларативна.

И наряду с четко высказанными правилами о процедуре и доказательствах, об обязательствах всех сторон сотрудничать с МТБЮ (прокуратурой и защитой), существуют разные стандарты для несоблюдения данного правила. Когда определенные документы, доказательства или обвиняемые требуются от Республики Сербии или Республики Сербской, это делается с применением угроз авторитетом Совета безопасности ООН, наложением санкций, а когда речь идет, например, о хорватской или мусульманской стороне, если они не поступают по поручениям МТБЮ, угроз и санкций не будет. Данным способом и на уровне наций и государств создается дискриминация перед МТБЮ, которая становится общим мнением о том, что «МТБЮ создан для того, чтобы судить сербов».

Принцип равенства между прокуратурой и защитой представляет собой один из основных принципов права на справедливый суд. Этот принцип перед МТБЮ практически никогда не применяется. С одной стороны, прокуратура с огромными материальными, людскими и документальными ресурсами, а с другой, обвиняемый – без материальных средств и с очень небольшой возможностью приобрести необходимые документы и адекватно подготовиться к слушанию необходимых свидетелей. Материальная сила прокуратуры и количество утраченных

денежных средств исследователями и прокуратурой в несколько сотен раз больше материальных ресурсов, которые очень ограничительно и нерегулярно одобряются для защиты. Если к этому добавить и то, что прокуратура и МТБЮ за собой имеют авторитет Совета безопасности ООН, с помощью которого, без проблем могут заставить любое государство передать им требуемые документы, что с пространств бывшей Югославии, особенно с территории Сербии и БиГ международные силы, следователи и прокуратура изымают целые архивы по отдельным областям, а с другой стороны, защита тратит и несколько месяцев для того, чтобы от той стороны получила хоть какое-то доказательство, таким образом, это очевидное неравенство по всем направлениям.

Следовательно, прокуратура тратит огромные средства ООН, имеет неограниченные ресурсы по времени, имеет в распоряжении большое число квалифицированных юристов, а с другой стороны, обвиняемый, которому отводится немного времени на подготовку и предъявление доказательств, небольшие, почти уничижительные средства, кроме того, ограничивается состав команды защиты с аспекта числа и квалификации лиц, так что обвиняемый не может вынести совокупное бремя сложных дел.

Заключение

Приведенные выше факты – это только часть нарушений и несправедливости в применении стандартов МТБЮ, которые характерны для большого числа процессов, чаще всего тех, которые ведутся против сербских обвиняемых, кроме того, эти процессы нелегитимны и несправедливы. Все эти факты можно про-

верить анализом частей принятых решений и процессов перед МТБЮ квалифицированной группы экспертов в процедуре, которая может быть организована Советом безопасности ООН. Совет безопасности ООН, учитывая обоснованное сомнение в реализации целей создания МТБЮ, должен предпринять такой шаг. Народам на данных пространствах после всех бед, которые гражданская война принесла с собой, нужнее всего дойти до одного, до чего еще не дошли, – до правды. Без правды на пространствах бывшей Югославии нет примирения, а искаженные факты, особенно в формате суды, могут стать причиной новых столкновений в будущем. Считаем, что повторное рассмотрение работы и реализации цели создания МТБЮ однозначно стало поводом для предотвращения возможностей появления новых столкновений и это бы был большой вклад в создание условий для примирения народов на данных пространствах, в надежде, что будут приложены всеобщие усилия для рассмотрения работы и цели создания МТБЮ.

Можем сделать вывод, что одним из главных механизмов этнической чистки сербов являются так называемые суды по военным преступлениям, спроектированные для того, чтобы подтвердить захваченную силой территорию. Военные действия, вызванные на пространствах бывшей Югославии в качестве метода развала этого государства, привели к выселению свыше одного миллиона сербских беженцев со всей территории бывшей Югославии. Славная история сербского народа свидетельствует о том, что сербское население всегда одной ногой находится в движении. Этим грустным фактом можно внятно объяснить отношение Республики Сер-

бия к беженцам из последней крупной волны миграций с пространств Северной Африки. Государство, вопреки

всем опасностям, которые исходят из такого действия, обеспечивает убежище для мигрантов.

Библиографический список

1. История Югославии. Т. 1–2. М.: Издательство АН СССР, 1963. – 736 с.; 430 с.
2. Симич П. Гражданская война в Югославии. Причины и последствия // Международная жизнь. 1993. № 7.
3. Ямбаев М.Л. Вооруженный конфликт 2001 г. в Македонии и развитие политической ситуации в стране. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.guskova.ru> (дата обращения: 17.02.2020).
4. Radovic B. Jugoslovenski ratovi 1991–1999 i neke od njihovih drustvenih posledica // I deo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ian.org.rs/publikacije/tortura/srpski/01.pdf>. (дата обращения: 17.02.2020).

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.38085/2308829X-2020-2-45-52

УДК 316.7

Грищенко Ж.М.,

Сиверцев Ю.Г.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО КОДА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Грищенко Жанна Михайловна, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, (Минск, Беларусь). E-mail: Zhanna0607@mail.ru

Сиверцев Ю.Г., Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь). E-mail: Sivert@bsu.by

Аннотация. Авторская идея сфокусирована на актуальности проблемы перекодировки культурного кода нации и поиске достаточных оснований для ее социологического обоснования. На примере постсоветского поколения студенческой молодежи прослеживается отход от традиций преемственности поколений и отчуждение генерации Z от базисных ценностей духовно-нравственной культуры общества.

Ключевые слова: Культурный код, ментальные трассы, генерация Z, перекодировка культуры нации, раскол преемственности поколений, смысловые паттерны поведения.

THE PROBLEM OF THE CULTURAL CODE IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION

Zhanna M. Grischenko, PhD (Philosophy), associate Professor, Belarusian state University. E-mail: Zhanna0607@mail.ru

Sivertzev U.G., Belarusian State University, (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Sivert@bsu.by

Abstract. The author's idea focuses on the relevance of the problem of recoding the cultural code of the nation and the search for sufficient grounds for its sociological justification. By the example of the post-Soviet generation of student youth, one can see a departure from the traditions of the continuity of generations and the alienation of the generation of Z from the basic values of the spiritual and moral culture of society.

Keywords: cultural code, mental tracks, generation Z, recoding of the culture of a nation, split in the succession of generations, semantic patterns of behavior.

Цитирование: Грищенко Ж.М., Сиверцев Ю.Г. Проблема культурного кода в социологическом измерении // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 45-52

В обозримом спектре отечественной социологии проблема культурного кода никогда не формулиро-

валась в радикальной тональности: правомерно ли ассоциировать происходящие вокруг нас явления духов-

ной жизни современного общества с тенденциями, сигнализирующими о началах процесса перекодировки культуры нации в целом? Между тем в русле происходящих на наших глазах духовно-нравственных практик именно социологии в идеале предназначена функция обоснованного социального прогнозирования, предвосхищающего характер и направленность наблюдаемых преобразований и их последствий для общества. Справедливости ради надо признать, что на деле социология далеко не всегда с этим справлялась. Ставшие классикой примеры отсутствующего и должного социологического проектирования хода и последствий очередной социальной революции, названной «перестройкой», несостоятельность в предвидении крушения СССР и многих других прямых и косвенных последствий этих драматических страниц отечественной истории, легли позором на все отечественное обществоведение и, в первую очередь, – на социологию, не оправдавшую своей главной миссии – «Быть, чтобы предвидеть!»

Включенность современной отечественной социологии в глобальное научное пространство обогащает информационно-познавательный багаж науки, как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах и тем самым создает предпосылки расширения возможностей для обоснованных критических рефлексий и горизонтов научного предвидения. Однако, ощутимых подвижек в обозначенном контексте не видно до сих пор. Может, дает о себе знать известный парадокс любого познавательного прогресса, сформулированный еще Сократом, – «Как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем»? Но только ли этот парадоксальный

эффект усиливающихся сомнений по мере расширяющихся горизонтов знания, обуславливает бросающуюся в глаза недееспособность социологии на пути усиления продуктивности своей прогнозной функции?_

В этой связи обращает на себя внимание, например, очевидная деликатность представителей отечественной социологии в оценках распространяющихся повсеместно духовно-нравственных практик, привнесенных в нашу жизнь постсоветской генерацией молодежи. Сегодня даже на визуальном уровне очевидным становится то, что мы не просто находимся у истоков формирования нового типа личности, но сами являемся частью культурного симбиоза, который сложился под влиянием неконтролируемых последствий глобальных и локальных трансформаций современного мира и ознаменовался полным отчуждением между поколениями. В этой связи не может остаться без внимания оценка происходящих в обществе перемен, связанных с выходом в самостоятельную жизнь миллениалов, российского автора А. Радаева, достаточно смело заявившего о факте социального перелома [1].

Речь не идет о естественном разногласии между «родителями» и «детьми» в рамках закономерного межпоколенческого взаимодействия, где каждое последующее поколение вносит инновационные изменения и коррекции в культуру общества, не затрагивая при этом его базовый или традиционный фундамент. Сегодня проблема видится глубже и острее. Речь должна идти о последствиях формирования специфического культурологического архетипа, масштабность и качественная определенность которого продолжительный период времени находились в

зоне социальной трансцендентности. И только сегодня мы воочию столкнулись с радикальностью последствий тотальной аномии в обществе, подорвавшей фундамент мироздания, отторгнув саму идею преемственности поколений. Растянувшись более, чем на четверть века, деидеологизация современного общества фактически приобрела характер целенаправленной институционализации «новых» правил игры в широком социокультурном пространстве. Процесс, сопровождавшийся системной переоценкой страниц отечественной истории и опыта жизни предшествующих поколений, имел своим закономерным следствием повсеместно торжествующие настроения нигилизма и цинизма. В первую очередь, – в молодежной среде, обстоятельства социализации которой в условиях отсутствующих нормативно-ценностных ориентиров, в вакууме идеалов, целей, смыслов существования привели к «аномической деморализации» целого поколения. Надо признать, вместе с тем, что обширная армия отечественных обществоведов, окрыленных новыми идеями революционных преобразований в стране, с удивительной легкостью переключилась с принципов конформизма прошлой эпохи на неконформизм в настоящем в оценках исторического прошлого, далекого и не очень. Все это сильно затормозило приближение массового прозрения в том, что «недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине» [2, С. 31].

Истина оказалась запоздалой и удручающей хотя бы в том, что все перечисленные здесь тенденции нашей локальной современной отечественной истории породили прецедент дискредитации и отсутствую-

щего авторитета старшего поколения «отцов – неудачников», непосредственное общение с которым как раз и призвано к воспроизводству социального механизма передачи опыта и исторической памяти предшествующих поколений. Как следствие, мы столкнулись с принципиально новым цивилизационным генотипом – постсоветской генерацией. Он оказался чуждым отечественным традициям нормативно-ценностного базиса духовной культуры, которая постепенно вытесняется вполне осознанным предпочтением миллениалами индивидуалистической модели самореализации по опыту западных стран с опережающей модернизацией. В основе этой заимствованной модели лежит откровенный прагматизм, сопряженный с эгоистическим смысловым мейнстримом, ориентированным на достижение персонализированной программы жизненного успеха любой ценой. На примере современной студенческой аудитории Белгосуниверситета мы можем прогнозировать, что в рамках базовой для нашего общества духовной культуры остаются около 1/3 (35%) современной студенческой молодежи, 40% в своих ценностных установках не имеют ничего общего с традиционной культурой, а 25% уже перешагнули традиционный пограничный рубеж, обнаружив на эмоционально-когнитивном уровне фиксированную установку к действию в направлении, негетерогенном традициям отечественной культуры (см. диаграмму 1) [3]

Таким образом, выход за пределы нормативной базовой культуры подавляющей части современной студенческой молодежи детерминирован эмоциональной и психологической привлекательностью западных образцов с точки зрения их инстру-

ментальной ценности в конструировании собственного блага, чему в решающей степени способствует окружающая социальная среда. Отмеченные тенденции, собственно, и дают основания для формирования гипотезы относительно инспирированного постсоветским поколением молодежи процесса перекодировки отечественной культуры. Очевидную осторожность современной социологии в попытках обоснования подобного социального сценария можно понять и даже оправдать целым рядом причин.

Диаграмма 1. Количественное соотношение между гомогенными и негомогенными отечественной культуре ценностями с точки зрения вкладываемых в них смыслов

С одной стороны, формирование любого типа духовной (и не только) культуры – процесс длительный, временные рамки которого простираются минимум на 100 лет, предполагая смену нескольких поколений. Параллельно данный процесс сопряжен с сопутствующей ему институционализацией устойчивых характеристик нового типа культуры и, как следствие, – ее легитимацией и легитимизацией. Как раз факт пролонгированных временных рамок обо-

значенного процесса и формирует аргумент логической преждевременности обозначенных выводов, тем более, – с заявкой на их революционный пафос. Следует, однако, заметить, что новый культурологический архетип поколения отечественных миллениалов отмечен специфическими типологическими особенностями детей социальной аномии. Последняя стала определяющим условием их социализации на протяжении практически четверти века. Срок не малый, во всяком случае, – для адекватной оценки формирующихся у постсоветского поколения молодежи ментальных трасс, которые в самой ближайшей перспективе смогут претендовать на «типологическое ядро социокультурного генома современной цивилизации» [4, 9].

В отличие от своих западных и заокеанских сверстников, отечественное поколение Z гораздо в меньшей степени было подвержено революционному воздействию со стороны технологического прогресса. Напротив, оно пережило его как естественное состояние для общества с догоняющей модернизацией и уже в младшем школьном возрасте безболезненно и уверенно вошло в мир цифровых технологий. Несравнимо более травмирующим эффектом для отечественного поколения цифровых технологий стали обстоятельства растянувшейся на десятилетия тотальной социальной аномии, последовавшей за демократической риторикой, которая создала реальные предпосылки для усвоения идеалов свободы, безотносительно к лимитирующим ее рамкам осознанной необходимости. Немаловажную роль в специфике социализации постсоветского поколения молодежи сыграли сопутствующие ходу перестройки факторы, большинство из ко-

торых несет на себе печать локальных культурологических особенностей характера отечественных трансформаций: утрата традиционной роли института семьи, непосредственно принявшего на себя все тяготы спонтанных социальных реконструкций, длительное реформирование системы образования с утверждающими себя принципами массовой доступности, излишней формализации, коммерциализации и дегуманитаризации, очевидное ослабление воспитательной роли религиозных институтов, озабоченных усилением своего приближенного к официальной власти статуса более, чем заботой о духовном возрождении подрастающего поколения, бесконтрольность современных СМИ и др.

Дети социальной аномии в «чистом виде», рождение и социализация которых проходили вне опыта социализма и вне его категорических императивов, в том числе идеологических, кто не испытал на себе «эффекта» социальной травмы, так как родились и выросли уже в объективно сложившейся ситуации травмированного общества – следствии непродуманных общественных реконструкций, представляют собой наглядный образец своеобразного культурологического архетипа. Как объект социологического исследования это вступающее в самостоятельную жизнь молодое поколение миллениалов бросает вызов обществу, а параллельно – и науке об обществе, призванной этот прогрессирующий хаос социальной системы как то осмыслить и концептуально организовать, несмотря на оптимистические заверения авторитетных методологов относительно перспектив его самоорганизации. Тем более, что именно социология призвана ответить на вопрос, куда же эта самоор-

ганизирующаяся реальность движется? Какой вектор ее саморазвития уже сегодня и сейчас берет верх и задает конкретные параметры направленности этого движения в будущем? И правомерен ли прогноз о началах перекодировки духовно-нравственной культуры в целом?

И вот здесь, с другой стороны, перед социологией встает следующая проблема, связанная с отсутствием эмпирической базы данных, – достаточной для подобного рода радикальных культурологических прогнозов. Наряду с этим процесс социологического прогнозирования лимитирован несовершенством социологических методов, ограниченных порогом инструментальной чувствительности к улавливанию глубинных процессов в актуальной конфигурации ментальных трасс представителей вступающего в самостоятельную жизнь поколения цифровых технологий. К сожалению, исчерпанность социологического поля преимущественно анкетными опросами уводит практический результат в сферу ценностных значений, а не тех смыслов, которые вкладывает в них современная молодежь и которые транслируют единицы передачи культурного наследия. Исследовательский опыт свидетельствует, что между двумя этими эмпирически верифицированными параметрами – значением и смыслом, – бездна противоречий и прямого несоответствия. Более того, если тенденция в выборе приоритетности конкретных ценностных значений является следствием когнитивного эффекта, то мотивационная сфера повседневности, как правило, дополняется широкой палитрой иррациональных паттернов поведения. Вот почему многочисленные анкетные опросы молодежного сегмента

и его ценностей, ограниченные рамками преимущественно политизированного подхода, даже в случае регистрации инновационных инвариантов ментальности поколения Z, ограничиваются поиском эмпирически выверенного соотношения между новым и старым, склоняясь, как правило, к выводу об устойчивости традиций базовой культуры. Смысловые запечатления (импринтинги) поведения современной молодежи остаются, к сожалению, за кадром исследовательского интереса. Справедливости ради надо признать, что последнее десятилетие научные поиски все более интенсивно фокусируют свой исследовательский интерес на смысловой составляющей повседневных предпочтений и паттернов поведения молодежного сегмента, в том числе и российскими авторами [5].

Использованный нами в качестве эксперимента метод тестирования представлял набором произвольно представленных для оценки студенческой аудитории суждений, эмпирически верифицированных с позиции своей смысловой гомогенности четырем доминирующим в студенческой среде ценностям – самореализация, учеба, семья, любовь (дружба). Объектом эмпирической параметризации стали 500 студентов Белгосуниверситета (1998–2002 годов рождения), отобранных с различных факультетов по принципу сохранения целостности студенческой группы, что способствовало репрезентации всех представленных в группе статусных диспозиций: по успеваемости и активности, формальному и неформальному лидерству, происхождению, финансовому обеспечению, возрасту, полу и др. Несмотря на количественную определенность метода тестирования, факт сопряжен-

ности в едином эмпирическом поле комплекса устойчивых для современного поколения студентов смысловых импринтингов позволил уловить тенденции как внутр поколенческих, так и межпоколенческих принципиальных разногласий в прочтении и оценке традиционной ценностной модели. А последующая дополненность результатов тестирования данными качественных методов (эссе, нарратив, глубинное интервью) обогатили смысловую палитру ценностных значений, объективировав бездну несопадений между ними.

Углубление исследовательского поиска в заданном направлении позволяет уловить набор смысловых импринтингов, которые уже сегодня не только определяют содержание формирующихся ментальных трасс, но и позволяют вычлениить смысловые блоки передачи и перекодировки культурных традиций. Например, по данным белорусского поля признание ценности семьи (уровень значений) сопряжено с ее восприятием как угрозы (риска) для личностной автономии и свободы самореализации (уровень смыслов). Фактически для большинства – 70% это смысловое запечатление ценности семьи смещено в сторону нетрадиционных семейно-брачных отношений, где приоритетные позиции занимает партнерский (сожителство) брак без взаимной материальной и моральной ответственности и соответствующих обязательств, без принятия функций деторождения и воспитания как сущностных, из них 25% – вообще отрицающих необходимость деторождения. Зафиксированная в ходе нашего исследования эмпирическая модель семейно-брачных отношений со всей очевидностью уже вытеснила традиционную модель, гомогенную

православной культуре. Данный факт позволяет нам сегодня строить гипотезу о начале конца традиционного института семьи. Аналогично принципиально модифицировано отношение к учебе и сопряженных с ней ценностей. Подавляющая часть из протестированных нами белорусских миллениалов – 80% не мотивированы учебным процессом, безразличны к избранной профессии и дальнейшей работе, а четверть из них – 27% не скрывают своей утилитарной мотивированности исключительно формальным получением диплома о высшем образовании. Большой логической несогласованностью с традиционной нормативной ценностной моделью отмечается также ценность патриотизма в ее понимании и интерпретации поколением белорусских миллениалов.

Ориентированные на личностную программу индивидуальной самореализации и достижение жизненного успеха, около 80% студенческой аудитории сегодня обнаруживают фиксированную установку на выезд за рубеж для продолжения образования и работы. Явление космополитизма, сформированное под натиском рационализирующегося прагматизма и поиска лучшей доли, становится всеохватывающим, размывая объектную область патриотизма и расширяя ее до масштабов глобализирующегося мировоззрения «Я-человек мира». Локальные горизонты патриотических чувств, сфокусированные на стране, где родился и вырос, несут все более выраженный формальный характер как дань генетической памяти. Несмотря на формальное признание важности национального языка как средства национальной идентификации и утверждения национальной культуры, около 90% выступают против его целенаправленного распро-

странения со ссылкой на крайне низкий уровень его коммуникационной функциональности в глобальном контексте и, как следствие, – отсутствие инструментального значения. Дети социальной аномии индифферентны к политике. Более того, считают перманентно возникающие вопросы о национальном самосознании, национальной культуре и языке излишне политизированными в интересах локальных политических элит -властвующих и оппозиционных, и представляющих зону риска для успешной реализации личной программы достижения жизненного успеха.

Культурно-исторический контекст восприятия проблемы позволяет увидеть в современной деполитизированности молодого поколения нечто большее, связанное со смещением спектра восприятия мира и его акцентом на индивидуалистической модели самоопределения. Политика уходит на периферию сознания уже потому, что не имеет ничего общего с автономной персонализированной моделью активности личности в приоритетных для нее областях -защита животных, помощь малообеспеченным слоям населения, обеспечение безопасности массовых мероприятий, экологическое движение и др. Все перечисленные виды волонтерской активности приобрели в последнее время в Беларуси мощный заряд выраженной мотивированности участия, отмечены навыками самоорганизации, творческой самодеятельности и в этом смысле далеки от традиционного нормативного образца политической активности и участия, транслируемых идеологией социализма. Параллельно обращает на себя внимание неоднозначность тенденций в современной студенческой среде относительно политического участия.

По результатам проведенного исследования около 20 процентов миллениалов студенческой аудитории обнаруживают повышенный интерес к власти как эффективному средству реализации успешного жизненного проекта. Этот перечень реально осязаемых противоречий в сравнительном сопоставлении моделей духовно-нравственной культуры между прошлыми и вступающими в самостоятельную жизнь поколениями миллениалов, можно продолжить. Мы далеки от выводов относительно деградации молодого поколения, тем более, от заявок

его восприятия как закономерного следствия антропологической контрреволюции. Мы лишь акцентируем внимание на том, что в их лице имеем дело с принципиально новой качественной определенностью отечественной культуры, абстрагироваться от которой с каждым днем становится все более сложно и безответственно. Тем более, что именно непосредственное столкновение с обозначенным сегментом в поле исследовательской практики позволило оживить в памяти идею Р. Мертона об «организованном скептицизме» как факторе развития науки.

Библиографический список

1. Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. Изд. дом Высшей школы экономики, 2019, 224.
2. Бурдые П. Социология политики: пер.с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко /-М.: Socio –Logos,1993.-336 с.
3. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры. – Журнал БГУ. – Социология. №1. – 2017. – С. 109–118.
4. Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ Социология, № 3, 2017, С. 6–13.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве Российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 4, № 3, 2018.; Великая Н.М., Дорошина А.В. Жизненные стратегии Российской молодежи в контексте реализации современной молодежной политики // Молодежь. Семья. Общество. М., 2019.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК УГРОЗА УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Курилович Наталья Вячеславовна, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент (Минск, Беларусь), e-mail: nv_kurilovich@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу функциональной неграмотности как социального феномена. Отмечается социально-историческая контекстуальность становления и развития функциональной неграмотности в мире. Рассматриваются основные подходы к анализу функциональной неграмотности: экономический, институциональный, национально-государственный и личностный. Подчеркивается значение программ международной оценки функциональной грамотности населения (PISA, PIAAC) во всем мире.

Ключевые слова: функциональная неграмотность, концепции функциональной неграмотности, минимальная грамотность, компетентность, непрерывное образование.

FUNCTIONAL ILLITERACY AS A THREAT TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Natalia V. Kurilovich, Associated Professor of Sociology Department in Belarusian State University, Candidate of Sociological Sciences, Associated Professor (Minsk, Belarus), e-mail: nv_kurilovich@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of functional illiteracy as a social phenomenon. The author notes the socio-historical context of the formation and development of functional illiteracy in the world. The main approaches to the analysis of functional illiteracy are considered: economic, institutional, national-state and personal. The author emphasizes the importance of international functional literacy assessment programs (PISA, PIAAC) for people around the world.

Keywords: functional illiteracy, concepts of functional illiteracy, minimal literacy, competence, lifelong learning.

Цитирование: Курилович Н.В. Функциональная неграмотность как угроза устойчивому развитию современного образования // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 53-62

В современном обществе образование занимает очень важное место в жизни практически каждого индивида и страны. Общеизвестно, что продолжительность обучения человека постоянно растет. По данным ООН, в 1990 году во всем мире средняя продолжительность обучения для взрослого населения составляла 5,8 лет,

а в 2017 году она выросла до 8,4 лет [1, с. 10]. Вместе с тем в настоящее время во многих развитых странах мира ожидаемая продолжительность обучения уже приближается к двум десятилетиям. Например, в 2016 году в Бельгии ожидаемая продолжительность обучения составляла 19,7 лет, в Финляндии – 19,3 лет, в Исландии –

19,2 лет, в Дании – 19,1 лет, в Великобритании – 19,0 лет. Во многих постсоветских странах этот показатель не ниже 15 лет: например, в Российской Федерации – 15,5 лет, в Беларуси – 15,2 лет, в Казахстане – 15,0 лет [2, с. 93–94].

О поразительном прогрессе образования в истории человеческой цивилизации свидетельствует уровень грамотности населения. Если еще в начале XIX века человечество было фактически неграмотным, то уже к концу второго десятилетия XXI века во всем мире уровень грамотности взрослого населения составляет более 80%. Уровень грамотности молодежи (лица в возрасте от 15 до 24 лет) еще выше: по данным Института статистики ЮНЕСКО, в 2017 году уровень грамотности молодых мужчин составлял 90,7%, а молодых женщин – 85,5%. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что с позиций рассматриваемого показателя Республика Беларусь (как и многие другие постсоветские страны) занимает весьма достойное место в мировом образовательном пространстве. Так, уровень грамотности как взрослого населения, так и белорусской молодежи составляет практически 100%, а в 2017 году почти 92% жителей страны старше 25 лет имели как минимум среднее образование [1, с. 52; 55].

Рейтинг стран мира по уровню образования свидетельствует о том, что в 2017 году Беларусь занимала в нем 30-е место, а Россия – 32-е место. В тройку стран-лидеров этого рейтинга вошли Германия (1-е место), Австралия (2-е место) и Дания (3-е место). США занимают 12-е место из 189-ти возможных, а такие бывшие республики СССР, как Литва, Эстония, Латвия и Грузия размести-

лись на 18-м, 20-м, 21-м и 27-м местах соответственно. В основе построения рейтинга лежит индекс образования (англ. *Education Index*), представляющий собой комбинированный показатель, отражающий уровень грамотности взрослого населения и совокупную долю обучающихся в стране [3].

По оценкам специалистов, XXI век можно именовать веком высшего образования. В условиях развития информационного общества в большинстве государств прекрасно осознается потребность повышения уровня образования населения. В настоящее время для многих стран мира, в том числе для Республики Беларусь, характерна массовизация высшего образования. Эксперты подчеркивают, что экономика знаний требует, чтобы не менее половины занятого населения имели высшее профессиональное образование [4, с. 75].

Впечатляющее развитие высоких технологий в современном обществе актуализирует вопросы образованности человека, поэтому в развитых странах мира бюджетные расходы на модернизацию сферы образования с каждым годом только увеличиваются. По мнению специалистов, именно образовательные инвестиции относятся к числу наиболее окупаемых вложений [5, с. 6].

Императивом XXI века выступает непрерывность образования, которое в жизненном пути современного человека становится фактически основным видом деятельности и наиболее успешной формой социальной адаптации к стремительно изменяющимся реалиям непредсказуемого мира третьего тысячелетия. Размах и скорость преобразований, ставших привычными атрибутами человечества на современном этапе развития,

обуславливают ряд глубоких противоречий в различных сферах общественной жизни, в том числе в сфере образования.

Многие зарубежные и отечественные исследователи, характеризуя серьезные противоречия современного образования, используют понятие «кризис». Принято считать, что впервые тезис о мировом кризисе образования был озвучен на инициированной ЮНЕСКО Международной конференции, которая проходила в октябре 1967 года в США в городе Вильямсбург (штат Вирджиния). Научной основой данной конференции стал рабочий документ, подготовленный первым директором Международного института планирования образования Филиппом Кумбсом (1915–2006). В 1968 году он опубликовал работу «Кризис образования в современном мире: системный анализ», которая спустя два года была переведена на русский язык.

Ф. Кумбс утверждал, что сущность мирового кризиса образования заключается в разрыве между условиями жизни общества и образованием. Этот разрыв, по мнению американского ученого, является результатом слишком медленной адаптации систем образования всех стран к стремительному темпу изменений общественной жизни, который с 1945 года наблюдался в охваченном научно-технической революцией мире. Американский исследователь выделил четыре наиболее очевидных причины такой ситуации: 1) резкий рост социального спроса на образование, который не могут удовлетворить существующие учебные заведения; 2) недостаточное финансирование систем образования; 3) инертность систем образования; 4) инертность общества, связанная с традициями, обычаями и

установками, которые мешают рациональному развитию образования [6, с. 10]. Преодоление кризиса требует, по мнению Ф. Кумбса, взаимной адаптации образования и общества. Такого рода адаптация возможна при условии объективной и систематической диагностики проблем в этой области, а также основанного на этой диагностике планирования будущего образования [6, с. 24].

Несмотря на то, что идея «мирового кризиса образования» была обоснована Филиппом Кумбсом более пяти десятков лет назад, она не утратила своей значимости и в наши дни. И в XXI веке эксперты основополагающей причиной кризисного сценария развития сферы образования считают противоречие между динамикой содержания образования и темпами увеличения объема знаний, умений и навыков, которые требуются субъекту в современном обществе [7, с. 140].

В настоящее время «жизненный цикл» знаний, умений и навыков очень короток, иначе говоря, они очень быстро устаревают. В США для обозначения данного явления используется термин «период полураспада компетентности», под которым понимается «продолжительность времени после окончания вуза, когда в результате устаревания полученных знаний по мере появления новой информации компетентность специалиста снижается на 50%» [8, с. 143]. По оценкам экспертов, если в начале XX века полученных в высшей школе знаний и навыков специалисту хватало на 20–30 лет, то в начале XXI века «период полураспада компетентности» сократился до 5 лет. Для современного выпускника вуза устаревание знаний начинается уже через 2–3 года [8]. В этой связи

следует учесть и то, что, к сожалению, не так уж редки ситуации, когда по причине отсутствия оперативной модернизации содержания образовательных программ в стенах высших учебных заведений студенты осваивают уже устаревшие знания, умения и навыки.

В условиях информационного общества модифицируется и смысл компетентности специалиста. В XXI веке наиболее востребованным становится не зафиксированный объем знаний и навыков, а умение индивида их накапливать, трансформировать и, главное, применять в различных сферах своей жизнедеятельности. В результате в развитых странах мира, где проблема абсолютной неграмотности населения уже давно успешно решена, на передний план выдвигается проблема функциональной неграмотности, которую без преувеличения можно рассматривать как прямую угрозу устойчивому развитию современного общества. Квинтэссенцией проблемной ситуации в данном случае становится вопрос о том, выступит ли отражаемая в рассмотренных нами выше показателях мировой и национальной статистики значимая количественная оценка образовательного потенциала развитых стран мира гарантией высокого уровня функциональной грамотности их населения.

Понятия «функциональная грамотность» и «функциональная неграмотность» в контексте диалектического единства противоположностей репрезентируются специалистами как две стороны одного и того же феномена [9, с. 11]. В постсоветских странах длительный период времени социологи редко обращались к изучению данного явления из-за отсут-

ствия «валидных и репрезентативных данных» [10, с. 48]. Изменение сложившейся ситуации связано с появлением в странах бывшего Советского Союза инициированных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) программ международной оценки грамотности населения: во-первых, программы международной оценки образовательных достижений учащихся – *PISA* (от англ. *Programme for International Student Assessment*) и, во-вторых, программы международной оценки компетентности взрослых – *PIAAC* (от англ. *Programme for the International Assessment of Adult Competencies*).

Перечисленные выше программы ОЭСР – это масштабные исследования функциональной грамотности населения в международном формате. Программа *PISA* измеряет уровень читательской, математической и естественнонаучной грамотности 15-летних подростков. Программа *PIAAC* фокусируется на измерении уровня компетенций «взрослого населения в возрасте от 16 до 65 лет в трех областях: навыки чтения и понимания прочитанного (*Literacy*), грамотности в обращении с числовой информацией (*Numeracy*) и способности по решению задач в технологически насыщенной среде (*Problem Solving*)» [11]. Следует признать, что реализация указанных программ ОЭСР содействует активному освоению компетентностного подхода системами образования тех стран мира, которые принимают в них участие.

Необходимо отметить, что Республика Беларусь впервые приняла участие в программе *PISA* только весной 2018 года. К настоящему времени результаты тестирования функциональной грамотности бело-

русских учащихся не опубликованы. Российская Федерация, как известно, принимает участие в программе *PISA* с 2000 года, а в программе *PIAAC* с 2009 года. В научном дискурсе можно обнаружить немало публикаций, посвященных анализу результатов международной оценки компетентности населения в России [см. 10; 12 и др.].

В белорусской науке проблематика функциональной грамотности в наибольшей степени освещена в работах педагогов [см. 13; 14 и др.]. Например, белорусские педагоги С.А. Крупник и В.В. Мацкевич актуализируют рассматриваемый нами феномен в контексте межстранового сравнения и трактуют функциональную грамотность как своеобразный «культурный стандарт» оценки качества общественной жизни в той или иной стране мира [14].

Введение в научный оборот самого термина «функциональная грамотность» (англ. *functional literacy*) связано с деятельностью всемирно известной международной организации под названием ЮНЕСКО. В документах этой организации функционально грамотным считается тот человек, «который может участвовать во всех мероприятиях, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования его группы и сообщества, а также для обеспечения возможности дальнейшего использования им чтения, письма и счета для его собственного развития и для развития общины» [15, с. 302].

Если минимальная грамотность характеризует умение индивида считать, читать и писать, то функциональная грамотность отражает способность индивида использовать эти навыки для организации эффектив-

ной социальной интеракции. Другими словами, с позиций функциональной грамотности человек должен не просто уметь читать, а, прежде всего, должен понимать и оценивать смысл прочитанного, а также использовать эту информацию в своей жизнедеятельности. Функционально грамотным считается тот индивид, который не просто умеет писать буквы, слова и предложения, а может создавать релевантные социальному контексту документы. Более того, такой человек не просто знает простейшие арифметические действия, а способен использовать математику для реализации своих потребностей. К примеру, индикаторами высокого уровня математической грамотности человека выступают правильная интерпретация разного рода абстрактных математических моделей и продуктивное оперирование математической информацией в повседневной жизнедеятельности. В целом функциональная грамотность выражает исторически варьирующуюся меру адаптации человека к социальной жизнедеятельности.

Термин «функциональная грамотность» большинством современных исследователей трактуется максимально широко, поскольку в условиях стремительного развития информационного общества порог функциональной грамотности постоянно повышается. Не будет большим преувеличением утверждение о том, что в современном мире содержание функциональной грамотности сопоставимо с непрерывным образованием социального субъекта.

В социологической науке функциональная грамотность субъекта изучается в контексте основных видов его жизнедеятельности. В связи с этим дифференцируются раз-

личные аспекты функциональной грамотности: бытовой, правовой, финансовый, языковой, информационный, компьютерный, социогуманитарный, экологический, профессиональный и др. Для обозначения перечисленных нами аспектов нередко используются понятия «бытовая грамотность», «правовая грамотность», «финансовая грамотность», «языковая грамотность», «информационная грамотность» и т.д. Раскроем содержание некоторых из указанных понятий.

Бытовая грамотность индивида заключается во владении навыками, которые необходимы ему в повседневной жизни для поддержания своего физического и психического здоровья (соблюдение личной гигиены, приготовление пищи, уборка жилища, уход за одеждой и т.п.). В этой связи следует особо подчеркнуть, что увеличение технической оснащённости бытовой сферы не позволяет нам считать функционально грамотным человека, который не умеет пользоваться современными электробытовыми приборами, не может разобраться с инструкциями по их эксплуатации и т.п.

Правовая грамотность индивида обычно трактуется как знание гражданином своих прав и свобод, а также выполнение обязанностей, закреплённых в основных нормативных правовых актах страны; умение защитить свои права в случае их нарушения другими лицами, что предполагает способности индивида обратиться в суд, составить исковое заявление, собрать пакет необходимых документов и др.

Финансовая грамотность индивида связана с его умением результативно управлять своими доходами и расходами (планировать свой

бюджет и вести учет средств); продуктивно взаимодействовать с финансовыми организациями; корректно осуществлять денежные расчёты (как наличными средствами, так и безналичным путём) и др.

Языковая грамотность определяется как свободное владение индивидом своим родным языком и государственными языками своей страны, а также подразумевает знание хотя бы одного иностранного языка. Общеизвестно, что в настоящее время языком международного общения признан английский. В этой связи хотелось бы обратить внимание на «двузначность высшего образования», которую нередко можно наблюдать как в Беларуси, так и во многих других постсоветских странах. Речь идет о том, что специалисты с высшим образованием, демонстрируя определенный набор узкопрофессиональных компетенций, часто не владеют даже одним иностранным языком. Однако ознакомление с образовательными программами первой ступени, которые реализуются в учреждениях высшего образования Республики Беларусь, позволяют обнаружить одну из значимых причин такой ситуации. Например, в Белорусском государственном университете действующим с 2013 года учебным планом специальности 1-23 01 05 «Социология» на изучение иностранного языка отводится всего лишь два семестра на первом году обучения студентов.

Особую роль в современном мире играет информационная грамотность, которую принято понимать, как набор знаний, умений и навыков, позволяющих индивиду осознавать и разумно удовлетворять свои информационные потребности. По сути дела, речь идет о способности человека осуществлять эффек-

тивные поиск, оценку, критический анализ и использование информации из самых разных источников. При этом принципиально важное значение имеют те компетенции, которые связаны со способностью человека использовать для решения практических задач современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). В информационном обществе именно эти компетенции следует признать ключевыми, поскольку они, так или иначе, проявляются и в бытовой, и в правовой, и в финансовой, и в языковой и в других возможных аспектах функциональной грамотности. Однако, например, результаты PIAAC показали, что россияне уступают гражданам развитых стран мира в уровне владения ИКТ, причем «в России высшее образование дает меньший прирост уровня владения компетенциями, чем в среднем по ОЭСР» [12, с. 42].

Несмотря на то, что единой методологической основы социологического изучения феномена функциональной неграмотности не существует, разнообразные интерпретации данного понятия объединяет признание принципиально важного значения имени прилагательного в этом словосочетании. В связи с этим наиболее краткой и удачной можно считать следующую дефиницию: функциональная неграмотность – это «неспособность социального субъекта эффективно функционировать в обществе» [9, с. 50].

В самом общем виде можно выделить четыре основных подхода к пониманию функциональной неграмотности населения: экономический, институциональный, национально-государственный и личностный. Российские социологи образования С.И. Григорьев и Н.А. Матвеева ре-

презентируют данные подходы как концепции функциональной неграмотности [7, с. 141–143]. Рассмотрим их подробнее.

С позиций *экономического подхода* функциональная неграмотность рассматривается как синоним непрофессионализма работника, в том числе потеря им квалификации. Формирование этого подхода связано с деятельностью ЮНЕСКО во второй половине XX века, когда цель функциональной грамотности заключалась в обеспечении занятости населения в динамично изменяющихся условиях на рынке труда. Следовательно, функциональная грамотность выступает показателем качества рабочей силы и выражает меру ее стоимости. В XXI веке экономический подход расширяет понятия функциональной грамотности за счет включения в него «социальной квалификации», отражающей информационную компетентность человека (прежде всего, компьютерную грамотность), его культуру и стиль общения [7, с. 141].

С позиций *институционального подхода* функциональная неграмотность репрезентируется как синоним низкого уровня образованности индивида. Другими словами, функциональная неграмотность определяется как невысокая степень обученности индивида. При этом основным источником функциональной неграмотности выступает институт образования. В данном контексте функциональная неграмотность становится показателем и следствием кризиса образования, который, по мнению российского исследователя Ж.Т. Тощенко, заключается в неспособности учреждений образования «научить человека активному взаимодействию со средой» [16, с. 320].

С позиций *национально-государственного подхода* функциональная неграмотность понимается как источник социального неравенства, обусловленного доминированием «технологической» грамотности развитых стран над «традиционной» грамотностью развивающихся стран. Такого рода поляризация образовательного пространства современного мира актуализирует политические, региональные, этнические и экологические аспекты функциональной грамотности, выступающей показателем социальной дифференциации общества [7, с. 142].

С позиций *личностного подхода* функциональная неграмотность трактуется как низкий уровень развития субъекта во всех сферах общественной жизни. Иначе говоря, измерение функциональной грамотности связывается с оцениванием качества людских ресурсов в обществе. На передний план выходит умение личности наращивать и модифицировать социальный опыт в соответствии с социальными потребностями. Представители социологического витализма считают, что личностный аспект функциональной грамотности выступает системообразующим в отношении всех других ее аспектов (профессионального, политического, этнического и др.) [7, с. 143].

Зарубежные и отечественные социологи понимают функциональную неграмотность как социально неоднородное явление. Так, в развитых странах функциональная неграмотность является, в первую очередь, индикатором профессионально-квалификационной структуры социума, а значит, основными ее формами становятся непрофессионализм, социальная дезадаптация и некомпетентность индивида, прежде всего, в сфере современ-

ных информационно-коммуникационных технологий. В развивающихся странах функциональная неграмотность связана, как правило, с невысоким технологическим уровнем развития государства и системы образования в целом [7, с. 144].

В связи с невысоким уровнем технологий, характерных для развивающихся стран мира, уместно процитировать президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, который отмечает: «В ожидании второй промышленной революции находится население 17 % мировой территории, так как около 1,3 млрд. человек все еще не имеют доступа к электричеству. Примерно половина населения земного шара, или 4 млрд. человек, ожидает третью промышленную революцию, поскольку большинство из них живут в развивающихся странах, где нет доступа к сети Интернет» [17, с. 12].

К. Шваб полагает, что важнейшей задачей общества XXI века выступает осознание того, что мир стоит у истоков четвертой промышленной революции, ключевым атрибутом которой является беспрецедентное развитие инновационных цифровых технологий (например, прорывы в области искусственного интеллекта, Интернета вещей, 4D-печати и др.). Вместе с тем для многих стран мира новейшие технологии останутся недоступными. Следовательно, эпоха четвертой промышленной революции внесет ощутимый вклад в усугубление неравенства в мире, что приведет к еще большей дифференциации образовательного потенциала человечества. В свою очередь это означает, что во многих странах мира численность функционально неграмотных людей будет увеличиваться.

По оценкам специалистов, к основным группам риска развития функциональной неграмотности следует отнести абсолютно неграмотное взрослое население и молодежь (преимущественно в странах Азии и Африки), а также завершившее профессиональную подготовку трудоспособное занятое население [7, с. 145].

Известный американский социолог Элвин Тоффлер основные причины возникновения и развития функциональной неграмотности видел в несоответствии темпов социальной адаптации большей части населения стремительной динамике изменений, характерной для информационного общества. Анализ порождаемых данным противоречием всеобщей дезо-

риентации и боязни будущего Э. Тоффлер представил в работе «Футурошок», которая в США впервые была опубликована в 1970 году [см. 18].

Таким образом, в XXI веке функциональная неграмотность, несомненно, является одной из значимых угроз устойчивому развитию общества. Во всем мире численность функционально неграмотных людей будет расти, что актуализирует вопросы реализации непрерывного образования в современном социуме. Социальная природа и историческая противоречивость процесса развития функциональной неграмотности открывают перед исследователями поистине безграничные горизонты всестороннего ее изучения.

Библиографический список

1. Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018 / ПРООН. URL: http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 28.10.2019).
2. Беларусь и страны мира: статистический сборник [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск. 2018. URL: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/abf/abf37aebbf2e5cfa2d9d978f00491274.pdf> (дата обращения: 28.10.2019).
3. Рейтинг стран мира по уровню образования / Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения: 28.10.2019).
4. Шафранов-Куцев Г.Ф. Социология современного образования: учебник / общая редакция Г.Ф. Шафранова-Куцева. М.: Логос, 2016. 432 с.
5. Добренькова Е.В. Социальная морфология образовательного дискурса: историко-социологические аспекты. М.: Альфа-М, 2006. 335 с.
6. Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире : системный анализ / пер. с англ. С.Л. Володиной [и др.]. Под ред. д-ра экон. наук Г.Е. Сорова. Послесл. д-ра экон. наук, проф. В.А. Жамина. Москва : Прогресс, 1970. 261 с.
7. Григорьев С. И., Матвеева Н.А. Социология образования как отраслевая теория в современном социологическом витализме. Барнаул : Изд-во АРНИЦ СО РАО, 2002. 170 с.
8. Сафонов А.Л. Демографические вызовы экономике и рынку труда в Российской Федерации в условиях глобализации / А.Л. Сафонов // Диалог культур в условиях глобализации : XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. Т. 1 : Доклады. СПб. : СПбГУП, 2011. С.141–144. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/Sbor_full/2011_1_rus.pdf (дата обращения: 28.10.2019).
9. Гаврилюк В.В., Сорокин Г.Г., Фарахутдинов Ш.Ф. Функциональная неграмотность в условиях перехода к информационному обществу; Федеральное агентство по

образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Тюменский гос. нефтегазовый ун-т». Тюмень : Изд-во гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Тюменский гос. нефтегазовый ун-т», 2009. 243 с.

10. Кузьмина Ю.В., Попов Д.С. Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социолог. исслед. 2015. №7. С. 48–57.

11. Международная программа по оценке компетенций взрослого населения. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2019. URL: <http://gtmarket.ru/research/piaac/info> (дата обращения: 28.10.2019).

12. Подольский О.А., Попов Д.С., Рылько Е.Д. Насколько компетентны сегодня взрослые россияне. Результаты Программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC) в Российской Федерации [Текст] /О.А. Подольский, Д.С. Попов, Е.Д. Рылько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 79 с.

13. Полищук Л.Н. Функциональная грамотность: сущность и становление. Мозырь: МГПУ, 2008. 212 с.

14. Крупник С.А., Мацкевич В.В. Функциональная грамотность в системе образования Республики Беларусь. Минск : АПО, 2003. 125 с.

15. Всемирный доклад по мониторингу образования «Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех». Издательство ЮНЕСКО, 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245752_gus (дата обращения: 28.10.2019).

16. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М. : Гардарики, 2001. 398 с.

17. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : «Эксмо», 2016. 138 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/Промышленность/К.Шваб_Четвертая_промышленная_революция_2016.pdf (дата обращения: 25.10.2019).

18. Тоффлер Э. Футурошок: пер. с англ. СПб. : Лань, 1997. 461 с.

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИОЛОГИЯ

DOI 10.38085/2308829X-2020-2-63-81

УДК 352

Безвербный В.А.,
Микрюков Н.Ю.,
Мирязов Т.Р.

СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, руководитель отдела геоурбанистики и пространственного развития ИСПИ ФНИСЦ РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия). E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Микрюков Николай Юрьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственного развития Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: ecoro@mail.ru

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственного развития Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей пространственного развития России как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. В работе проанализированы дефиниции термина – «пространственное развитие», рассмотрены тенденции территориального и пространственного развития в Российской империи, СССР и Российской Федерации, отражены современные тенденции, а также показана актуальность демографических процессов в отношении обеспечения устойчивого развития и сохранения территорий страны.

Ключевые слова: пространство, пространственное развитие, территория, демографический потенциал, народонаселение, расселение, регионы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00148)

HISTORICAL AND MODERN TRENDS OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ASPECTS

Vadim A. Bezverbny, PhD (Economics), Deputy Director of Institute of Social and Political Research of the RAS, Head of Department of geo-urban and spatial development of Institute of Social and Political

Research of the FCTAS RAS, Associate Professor of Department of demographic and migration policy of Moscow state institute of international relations (University) MFA of Russia (Moscow, Russia). E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Nikolay Yu. Mikryukov, PhD (Geography), Researcher of Department of geo-urban and spatial development of Institute of Social and Political Research of the FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: eco-ro@mail.ru

Timur R. Miryazov, Master of Cartography and Geoinformation Junior Researcher of geo-urban and spatial development of Institute of Social and Political Research of the FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the spatial development of Russia in historical retrospective and at the present stage. The paper analyzes the definitions of the term “spatial development”, considers the trends in territorial and spatial development in the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation, reflects current trends, and also shows the relevance of demographic processes in relation to ensuring sustainable development and preserving the country's territories.

Keywords: space, spatial development, territory, demographic potential, population, resettlement, regions.

Цитирование: Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р. Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 63-81

Как следует из словаря С.И. Ожегова, территория – это земельное пространство, акватория – водное пространство. Само же пространство – одна из форм материи, характеризующаяся протяженностью и объемом¹. Таким образом, российское пространство как объемная категория включает в себя территорию (земную поверхность), акваторию (территориальные воды, включая дно морских и пресных водоемов), а также воздушное пространство в границах России. Пространственное развитие тесно связано с блоком региональных наук: экономической, социальной, политической географией, региональными экономикой, социологией, политикой. Все, что так или иначе влияет на изменение в пространстве, на территории, акватории и даже в воздухе (в воздушном пространстве), оказывается связанным с пространственным развитием. Все, что так или иначе

связано с развитием территории, какими-либо проектами на ней, все, что имеет территориальное измерение, приводит к изменению расселения или размещения хозяйства относится к пространственному развитию.

По-своему понимали пространство такие ученые как Исаак Ньютон и Готфрид Лейбниц. В самом широком смысле пространство категория скорее философская, связанная с математикой. Нас же интересует пространство, более связанное с практической деятельностью общества (особенно в социальном, демографическом, экономическом аспектах). Еще в античное время пространство как философская категория волновала умы многих ученых. Так, например, Платон ввел понятие *χώρα* (хора), как вместительное всего материального. Особую роль пространства как категории выделял немецкий философ Иммануил Кант, который предложил следующую классификацию наук: систематические (физика, биология, математика

¹ Толковый словарь Ожегова [Электронная версия] – <https://slovarozhegova.ru/>

и т.д.), хронологические (история) и хорологические (география). Таким образом, хронология и хорология (наука о пространстве) были выделены им в особые разряды наук. Термин пространства активно использовался многими учеными на протяжении веков.

Примерно с XVII столетия ученые географы начинают осмысливать пространственную организацию общества и приходят к выводу о влиянии среды на общество. В начале предполагалось, что влияние природной среды на общество является полностью определяющим, это направление мысли получило название «географический детерминизм». Ярким представителем этого направления в изучении пространственного развития является Ш.Л. Монтескье (1685–1755), который объяснял причины возникновения рабства климатическими условиями, «Об отношении законов гражданского рабства к природе климата», «О законах в их отношении к свойствам климата»².

В проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации дано следующее определение пространственного развития – «пространственное развитие – изменение территориальной организации системы расселения и хозяйства Российской Федерации для целей устойчивого развития»³. Под устойчивым развитием, как правило, понимают деятельность человека, учитывающую потребности будущих поколений. Устойчивое развитие включает в себя экономическую, социальную и экологическую составляющие.

² Монтескье Ш.Л. – О духе законов. М.: Мысль, 1999. – 674 с. ISBN 5-244-00929-X

³ Официальный сайт Правительства Российской Федерации – <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXI22JjAc7irNxc.pdf>

До начала XX в. территориальное расселение в Российской Империи формировалось, в большей степени, под влиянием процессов приращения земель и открытия новых возможностей для промышленного развития страны (в первую очередь это касается угольной промышленности и металлургии). Помимо активного расселения в европейской части страны, происходило постепенное заселение присоединенных территорий, в первую очередь Урала, Сибири и Дальнего Востока. На характер распределения населения за Уралом во многом повлиял климатический фактор. Неблагоприятный климат и слабая пригодность для ведения сельского хозяйства способствовала формированию узкой полосы расселения в южной части региона. Важную роль в политике расселения играл также геополитический фактор. На земли за уральским хребтом в разное время претендовали сразу несколько государств, и малочисленность населения региона не способствовала укреплению позиций Российской Империи. Таким образом, в XVIII и XIX вв. центральная власть начинает способствовать процессу заселения Сибири и Дальнего Востока (до XVIII в. заселение новых земель велось стихийно и не было организовано).

Несмотря на приложенные усилия, к началу XX в. уровень пространственной организации и заселенности территории за Уралом оставался низким, что в значительной мере способствовало проигрышу Российской Империи в Русско-японской войне. В целом же подход к пространственной организации в дореволюционной России не был направлен на полномасштабное за-

селение всей страны. В городах жило менее 1/5 части населения страны, а сама сеть городов была редкой и имела строго иерархическую систему. В первую очередь город представлялся центром административной единицы (губерния, уезд), выполняющим управленческие функции. Население концентрировалось в крупных городах, на территории с благоприятным климатом.

Следует признать, что пространственным развитием так или иначе занимается любое государство в любое время по той простой причине, что любая система расселения и хозяйства находится в постоянном изменении. Общество может в той или иной степени регулировать это изменение, направлять, корректировать или сдерживать, но оно происходит постоянно с различной степенью интенсивности. Основываются одни населенные пункты, приходят в упадок другие. В одних районах страны активизируется хозяйственная жизнь, в других затухает. Все это обуславливается рядом причин и ведет к неким последствиям, к дальнейшей трансформации системы расселения и хозяйственного комплекса, к дальнейшему пространственному развитию.

Первые примеры пространственного развития являют нам древнейшие цивилизации: Месопотамское Междуречье, Египет, Китай, Индия. Пространственное развитие этих цивилизаций обуславливали крупнейшие реки и их плодородные долины, а также выход к морю, мировому океану.

Пространственное развитие Древней Руси было обусловлено положением на равнине, на транзитном пути «из варяг в греки». Дальнейшее преимущество в пространственном

развитии получает Северо-Восточная Русь, как более отдаленная от степи, от набегов кочевников, так и от междоусобиц южнорусских князей. Сюда же во Владимир, а затем в Москву переносится столица. Объединение разрозненных русских земель в единое государство происходит именно в северных Московских землях, как более удаленных от внешних врагов с Юга, Запада и Севера. Сравнительно менее благоприятные по природным условиям земли Северо-Восточной Руси стали ядром русской цивилизации. Суровые природные условия, труднодоступность местности, континентальное положение постоянно становились препятствием на пути вражеских орд, включая самые последние из них (в Великую Отечественную войну).

Дальнейший дрейф пространственного развития связан с расширением государства на Восток во время Царя Ивана Грозного, взятием Казани и Астрахани, движением в Сибирь. Окрепнув после Смутного времени, в ходе воле войн с Польшей, Россия принимает в свой состав Малороссию в 1654 г. Следующий этап – основание Санкт-Петербурга при Петре Великом, северной столицы России. Во времена Екатерины Второй происходит движение на Юг, присоединение Новороссии и Крыма. Следует отметить, что осваиваемые, освобождаемые земли подвергались постепенному заселению и освоению. Так, сразу после взятия Казани началось движение на Урал и в Сибирь. С присоединением Новороссии и Крыма плодородные земли стали немедленно раздаваться и использоваться под хозяйственные нужды.

В XIX веке Россия совершает невероятный рывок на Восток: осва-

ивается Аляска, появляются русские поселения в Калифорнии, крепость на Гавайских островах. Фактически Российская Империя могла замкнуть северную часть Тихого Океана. Затем эти земли были проданы, или из них просто ушли, отчасти вследствие трудностей защиты крайних восточных рубежей, но память о русских первопроходцах, основателях Русской Америки, осталась на века в памяти всего человечества.

В конце XIX века в связи с арендой Россией у Китая Ляодунского полуострова, строительства Китайской Восточной железной дороги и военно-морских баз Дальний и Порт-Артур появляется проект колонизации Манчжурии – Желтороссия. Это направление было стратегически важным для России вследствие выхода в тихоокеанское незамерзающее Желтое море.

Таким образом, на протяжении тысячелетней истории Российского Государства всячески культивировалось демографическое, хозяйственное, военно-стратегическое освоение новых даже самых дальних территорий. Сложилась уникальная культура освоения новых земель, стремления закрепиться на них, вовлечь в хозяйственный оборот.

Новый импульс освоению уже присоединенных территорий сообщило беспрецедентное по своим масштабам строительство железных дорог. Прокладка железных дорог сделала доступными для освоения ранее не используемые земли. В пригодных для земледелия, южных районах Сибири появилась возможность широкого развития сельского хозяйства и пищевой промышленности, проложенные в лесной зоне железные дороги обусловили создание предприятий лесопромышленного

комплекса. Стало доступным широкое и интенсивное освоение полезных ископаемых Сибири.

В начале XX века была запущена Столыпинская реформа, которую можно охарактеризовать как «землю крестьянам». Раздача крестьянам земли в аренду и собственность привела к переселению около 3 млн. крестьян в Сибирь, а также в Среднюю Азию. Естественно, вначале осваивались наиболее плодородные земли, а затем менее пригодные для сельского хозяйства. В те годы страна стала лидером по сельскохозяйственному производству, ее население росло со скоростью в среднем более чем 3,5 млн. человек в год⁴. Прогноз численности населения России ученого Д.И. Менделеева составил к 1950-му году – более 280 млн. человек, к 2000-ому году – более 590 млн. человек⁵.

Строились новые города, в том числе в отдаленных районах страны, осваивались новые промышленные районы (Донбасс, Кузбасс), проводилась электрификация и индустриализация. Был построен единственный незамерзающий российский порт – Романов-на-Мурмане (ныне – Мурманск), и железная дорога к нему. Первый город-сад Алексеевск на Дальнем Востоке (ныне – Свободный). Интенсивно развивается промышленное развитие новых индустриальных районов: формируется угольный, металлургический, химический комплексы Донбасса, химический, нефтехимический комплекс на Кавказе (нефтепереработка в Баку, Грозном, Екатеринодаре). Происходит рост как городского, так и сельского населе-

⁴ Территория и население России. Россия 1913 год // Статистико-документальный справочник Санкт-Петербурга – <http://istmat.info/node/167> [Электронный ресурс]

⁵ Д.И. Менделеев. К познанию России. 1906 г.

ния⁶ и интенсивное освоение новых территорий. В военное время активно развивается химическая промышленность, запускаются заводы по производству оружия, боеприпасов, военной техники. Страна впервые успешно проводит эвакуацию промышленных предприятий с прифронтовой зоны в тыл.

Следует коснуться вопроса региональной политики Империи, особенно в сравнении с последующим развитием страны. В Российской Империи за небольшим исключением административно-территориальное деление не несло в себе деления по национальностям. Страна была разделена на губернии: Московскую, Казанскую, Киевскую, Минскую, Терскую область и др. В регионах, имевших некий автономный статус, проводилась политика постепенной унификации с прочими российскими губерниями, отмены автономии. Так, в Финляндском княжестве был упразднен сейм и конституция, упразднены собственные финские войска, был введен третий обязательный язык – русский. Нечто подобное проводилось и в Царстве Польском. Его автономия к XX веку была практически ликвидирована, а эти земли получили наименование Привислинских губерний. Так, в январе 1897 года Николай II отдал распоряжение, которым употребление названий «Царство Польское» и «губернии Царства Польского» было ограничено случаями крайней необходимости.⁷ Вассальную зави-

симость от России имели Хивинское ханство и Бухарский эмират. Независимость же таких образований как Кокандское ханство, Букеевская орда была ликвидирована, а их территория отошла к губерниям. Таким образом, на присоединяемых землях проводилась постепенная политика унификации, приведения к единому губернскому статусу.

Настоящей катастрофой для пространственного развития России явились революционные события 1917–1918 гг. Февральская революция 1917 г. привела к усилению сепаратистских тенденций в России: так, в Киеве 4 (17) марта 1917 г. была создана Центральная рада, Одним из самых ярых и последовательных сторонников автономизации, отделения Украины от России являлся М.С. Грушевский. Теоретическое обоснование якобы автономности украинского этноса нашло свое практическое применение именно после февральских событий. В июле 1917 г. создается Центральная Рада Белоруссии, ставящая целью автономию Белоруссии в составе Российского государства. Усилились тенденции регионализации, сепаратизма в Финляндии: был восстановлен сейм, конституция, был взят курс на автономизацию региона, завершившийся признанием независимости Финляндии большевистским правительством 31 декабря 1917 г. Что касается Польши, то Временное правительство допустило ее независимость 29 марта 1917 в случае союза в войне с Германией⁸.

Революционные тенденции регионального сепаратизма ярко проявляли себя даже в Поволжье. 22 июля 1917 г. была провозглашена автономия татар Внутренней России

⁶ Фомин М.В., Безвербный В.А. Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 33-53.

⁷ Бахтурина, Александра Юрьевна // Государственное управление западными окраинами Российской империи (1905 – февраль 1917 г.). – М.: Дис. ... д-ра ист. наук, 2006. – С. 22.

⁸ Польша в XX веке. Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2012

и Сибири, 27-го июля был образован межжлис со штаб-квартирой в Уфе. Подобные призывы звучат и на юге, образуются всевозможные рады, круги, конгрессы народов, объединенные одной целью: региональный сепаратизм и федерализация страны. Апофеозом пространственного расползания можно считать движение за автономию Сибири с утверждением сибирского флага (Томск, 2–9 августа 1917 г.)⁹

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. страна начинает погружаться в пучину гражданской войны. Большевики, разыгрывая национальную карту, приняли Декларацию прав народов России от 2 ноября 1917 г. После этого начался парад суверенитетов, благо почва для него уже была подготовлена в результате февральской революции. Мы рассмотрим лишь те примеры, которые в современном мире легли в основу формирования сопредельных государств на пространстве исторической России.

После Октябрьского переворота 1917 г. и особенно после разгона большевиками Учредительного собрания 9 (22) января 1918 г. на территории России начинается «парад суверенитетов». 23 ноября (6 декабря) была провозглашена независимость Финляндии, одобренная затем большевистским правительством. Образовалось независимое польское государство, с которым Советской России, а затем и СССР будет вести войну в 1920 и в 1939 гг. Центральная рада в Киеве провозгласила независимость Украинской народной республики, вступив затем в сепаратные переговоры о мире с Германией. 24 января (6 февраля)

1918 г. на месте Бессарабской губернии была провозглашена и признана большевиками Молдавская демократическая республика. Объявляет независимость Закавказье, Эстония, Республика Исколата (Латвия). Решением Исполкома Совета Эстляндии в состав уже фактически независимой Эстонии передается город соседней Петроградской губернии – Нарва. Брест-Литовский мир лишил Россию уже неизбежной победы над Германией и Австро-Венгрией, лишил возможности получить контрибуцию, ликвидировал возможность получить в свое пользование проливы Босфор и Дарданеллы, привел на тот момент к серьезным территориальным потерям.

После поражения Германии в войне и ухода немцев с оккупированных российских территорий, большевики, придя на них, учредили в 1919 г. Белорусскую и Украинскую Советские Социалистические республики, выделив их территории из состава РСФСР. Отчасти это можно объяснить желанием большевиков привлечь сторонников независимости Украины и Белоруссии на свою сторону. Кроме того, возможно это была попытка организации своего рода коммуны народов, показательного проекта с целью ускорения «мировой революции» в других странах. Так или иначе, были искусственно созданы без острой на то необходимости на территории бывших российских губерний новые национальные государственные образования: Украина и Белоруссия. Присоединенные Советским Союзом в 1939 году земли также были отданы БССР и УССР. На присоединенной Бессарабской губернии в 1940 г. была создана Молдавская ССР. В послевоенное время к Украинской ССР было

⁹ Сергей Кара-Мурза. Крах СССР: кто виноват? – М.: Издательство: Алгоритм, 2016 г.

присоединено Закарпатье, а в 1954 г. Украинской ССР был отдан Крымский полуостров.

В 1922 г. был создан СССР путем договора между РСФСР, БССР, УССР и Закавказской ССР. По сути, была создана конфедерация стран – Союз Республик. Был отвергнут вариант вхождения республик в составе автономий в Советскую Россию. Вместо этого принят акт создания Союза именно равноправных республик. На авторский взгляд именно эта ключевая слабость союзного договора сыграла трагическую роль в начале 1990-х годов, когда Союз распался.

В советских Белоруссии и Украине в 1920-е активно проводилась белорусизация и украинизация соответственно. Был искусственно создан, активно административно внедрялся и насаждался белорусский и украинский языки в большинстве случаев непонятный местным жителям, с большим количеством заимствованных, польских слов. Известно, что настойчивая украинизация вызывала серьезное противодействие со стороны населения, но она все равно проводилась и навязывалась. И хотя политика активной белорусизации и украинизации была частично свернута в 1930-е годы, процесс постепенного создания новых наций фактически шел все время существования СССР. Статус этих образований был выше статуса РСФСР, так, учредителями ООН со стороны Советского Союза являлись только СССР, Белорусская и Украинская советские республики. По всей видимости часто союзной власти приходилось идти на уступки перед украинской и белорусской элитами.

Отчуждение территорий от РСФСР не закончилось в 1922 году. Уже после подписания Союзного

договора из Советской России была постепенно выделена Средняя Азия. К 1936 г. были образованы в современных границах Казахская, Узбекская, Таджикская, Киргизская, Туркменская ССР, ставшие затем независимыми государствами. В полной мере трагедия отчуждения территорий от страны разыгралась в 1991 году, когда Союз республик прекратил существование. Трагедия пространственного развития России XX века состоит прежде всего в потере собственных территорий, ушедших в созданные новые независимые государства.

К положительным явлениям того периода в области региональной политики можно отнести упразднение Карело-Финской ССР в 1956. В случае ее существования в 1991 г. Россия могла бы с распадом СССР потерять всю территорию современной Карелии. Положительно следует оценить присоединение к России в результате Победы в Великой Отечественной войне Калининградской области и к Сахалинской области – южной части острова Сахалин и Курильских островов.

Кроме создания союзных республик, создавались также национальные автономии внутри РСФСР, зачастую с обширными землями, что создало в дальнейшем почву для усиления регионального сепаратизма. Что касается статуса Советской России в СССР, то он был ниже всех остальных союзных республик. РСФСР не была учредителем ООН в отличие от БССР и УССР. Российская республика была единственной республикой СССР, не имевшей собственной коммунистической партии, своей Академии наук. Более того, как показывали расчеты Госплана СССР, значительная часть дохода, получаемого в РСФСР, шла на развитие дру-

гих союзных республик, при этом по ряду показателей она оказывалась на последнем месте среди остальных республик. Попытка в послевоенное время обратить внимание на эту проблему, добиться более сбалансированного управления ресурсами закончилась Ленинградским делом и арестом, расстрелами, лагерными сроками его участников в 1950 г.¹⁰ В конечном итоге возвращение национальных элит в других республиках в ущерб главной скрепляющей Союз РСФСР привело к принятию республиками деклараций независимости от союзной власти, а затем к распаду Союза.

Важно упомянуть об еще одной составляющей политики большевиков, пагубно отразившейся на пространственном развитии страны, а именно о политике расказачивания. В освоении и защите пространства России большое значение имело казачество. Казаки несли функции по охране государственных границ, защищали Отечество в ходе военных действий. Кроме того, казаки, будучи важнейшим форпостом страны на ее рубежах, выполняли функцию освоения новых территорий. Стремительное продвижение казаков вглубь Сибири во главе с Ермаком еще в XVI веке привело к присоединению этого огромного богатейшего края к России и способствовало его дальнейшему хозяйственному освоению. Велика роль казаков в освоении Дальнего Востока (Амурское казачество), Средней Азии (Семиреченское казачество), Северного Кавказа (Донское, Кубанское, Терское казачество). Находясь на беспокойных рубежах, они отражали набеги, давая возможность спокойного труда вну-

тренним областям России, обеспечивали проникновение Российского государства в новые земли. В ходе политики расказачивания, начатой в 1919 г., казачье население подвергалось расстрелам, экспроприации собственности, депортации. В ходе ликвидации казачества был уничтожен слой людей, служивших Отечеству, защищавших его. Это был серьезный удар по целому слою населения, обеспечивавшему безопасность границ России, служившему форпостом в ее пространственном развитии.

Пространственное развитие в СССР заключалось в освоении земель, использовании их ресурсного потенциала, продолжении развития транспортной сети, электрификации, создания промышленных комплексов. За годы советской власти были созданы такие промышленные гиганты как Норильск, Магнитогорск, Череповец, Курская магнитная аномалия, Западно-Сибирский и другие территориально-производственные комплексы. За годы индустриализации построены крупнейшие тракторные заводы в черноземной зоне: Харьковский, Сталинградский (Волгоградский), Челябинский. Активно осваивался Северный морской путь, Дальний Восток. Построены крупнейшие машиностроительные заводы: Уралмаш, Новокраматорский машзавод и многие другие. Созданы знаменитые советские автогиганты Автоваз, КАМАЗ, ГАЗ, УАЗ, чья продукция известна не только внутри страны, но и за рубежом. В советское время были освоены Поволжская и Западно-Сибирская нефтегазоносные регионы, активно используемые и поныне.

Создавалось с нуля большое количество новых городов со своими промышленными предприятиями

¹⁰ Кузнецhevский В.Д. «Ленинградское» дело. Москва. 2013.

новых технологических укладов, например, города атомной отрасли. Страна стремилась максимально задействовать свой ресурсный потенциал, вкладывая в переработку сырья на собственной территории, в развитие обрабатывающей промышленности. Активно строились новые транспортные магистрали, самая известная из которых – Байкало-Амурская магистраль, значение которой еще предстоит оценить, когда в будущем начнется освоение и разведка ценнейших природных ресурсов вокруг нее.

Следует признать, что многие производственные и инфраструктурные объекты (Норильск, Магнитогорск, Воркута, БАМ, канал им. Москвы и т.д.) были созданы трудом заключенных лагерей в тяжелейших северных условиях. Некоторые из этих проектов были сравнительно бессмысленны, что признала впоследствии сама власть (Беломорканал) и заброшены (транспольярная магистраль).

В этой связи, памятуя об опережающем динамичном росте городов, промышленности, следует сказать о важном аспекте пространственного развития – развитии села. Дело в том, что село является хранителем традиций народа. Социологи и психологи объясняют, что человек, имеющий связь с землей, больше к ней привязан, чем городской житель. Он в большей степени воспринимает ее как свою и в меньшей степени является временщиком, который быстро готов покинуть обжитые места¹¹. А это значит, что он более патриотичен и более активен в отстаивании интересов своей страны. Поэтому состояние сельского населения является

ся особой важной демографической составляющей государства.

В советское время впервые начала снижаться численность сельского населения. Отчасти это было связано с урбанизацией, с развитием промышленности. Но сама урбанизация поощрялась, стимулировалась советской властью и тому есть несколько причин. Во-первых, СССР большое внимание уделял промышленности, новым технологиям. На покупку технологий оборудования за рубежом нужны были средства, которые зачастую изымались из деревни. Известно, что изъятие хлеба у крестьян в начале индустриализации привело к массовому голоду, в котором погибли более 7 млн. человек в наиболее хлебобродных регионах страны. Это был серьезный удар по демографическому потенциалу России и без того потерявшей большое количество населения в годы гражданской войны и голода начала 1920-х годов.

Ударил по крестьянству и насильственная коллективизация, политика раскулачивания, когда более миллиона крестьян были депортированы с конфискацией имущества. Многие из них умерли от голода и болезней в суровых природных условиях, куда их направляли на спецпоселения. Надо сказать, что под раскулачивание попадали главным образом зажиточные, активные, предприимчивые крестьяне, которые давали работу многим на селе, были основой сельской экономики. Таким образом, на селе произошел отрицательный отбор, когда лучшие, передовые были раскулачены и выселены. До середины 1960-х годов у колхозников не было паспортов, последние из них получили паспорта только к 1981 г. Колоссальный отток населения из села в город объясняет

¹¹ Романов И. Стратегия восточных территорий. М., 2008

ся в том числе низкими заработными платами в сельской местности по сравнению с городом. Такой зарплатный градиент задавал тенденцию на постоянную убыль населения в селе, уезжали самые активные, деятельные, что опять же приводило к отрицательному социальному отбору. В 1950-е – 60-е годы проводилась политика расселения «неперспективных деревень». Проблемы в сельском хозяйстве СССР отчетливо проявились в 1950-е годы, когда впервые страна закупила зерно за границей. Приниженное положение села привело к подрыву продовольственной безопасности, нарастающей зависимости от импорта, товарному дефициту продуктов. Уход населения из сельской местности приводил к обезлюдиванию пространства исторической России, сжатию населения в очаги, в города, ослаблению опорного каркаса расселения. Со сжатием села настал черед сжатия малых городов, чье население перебиралось в крупные и крупнейшие города.

Важный аспект урбанизации, явление, которое чаще всего ее сопровождает – уход от многодетной семьи. В многоквартирных домах возникают трудности с воспитанием большого количества детей, поэтому семьи решают заводить меньшее количество детей, чем завели бы в частном доме с приусадебным участком, где всегда нужны свободные руки, есть простор, связь с природой. Таким образом, в послевоенное время постепенно совершался демографический переход, рождаемость снижалась, а смертность возрастала вследствие старения населения. Наконец, к началу 1990-х годов кривые рождаемости и смертности пересеклись, и смертность впервые превысила рождаемость.

В советский период подход к развитию и совершенствованию процессов расселения изменился. Промышленное развитие СССР напрямую влияло на процесс урбанизации. Понятие города трансформировалось и, как и сегодня, под городом стали понимать крупный населённый пункт, большая часть населения которого не занята сельским хозяйством.

Советский Союз уже на начальных этапах преодоления последствий военной разрухи и построения социалистической экономики произвел пересмотр сети городов. Ко времени переписи 1926 г. 142 города, не обладавших городским экономическим потенциалом, были лишены городских прав, зато 182 населенных пункта, фактически доросших до 95 городского уровня и сосредоточивавших значительные пролетарские кадры, стали официально городами¹². Кроме того, была создана категория поселков городского типа – менее крупных, чем города, но обладавших уже многими городскими чертами. Вместе с тем общая политика развития городской сети была направлена на ограничение роста крупных городов.

Большую роль в процессе пространственного развития регионов, начало играть экономическое районирование. При выделении районов учитывались экономические, культурные и климатические особенности территории. Таким образом, каждый район получил свою специализацию, и дальнейшее его развитие напрямую зависело от экономической выгоды для всей страны. Активная индустриализация СССР приводит к появлению ряда населенных

¹² Константинов О.А. Изменения в географии городов СССР за советский период. – Вопросы географии, сб. 6. М., 1947

пунктов на некогда слабозаселенных территориях. Открытие полезных ископаемых за Уралом способствовало формированию новой сети городов, расположенных вне сложившейся полосы расселения в районах с неблагоприятными природными условиями. На первый план в политике расселения выходит экономический фактор. Рост промышленного производства, развитие сельского хозяйства и новых технологий определили жизнеспособность таких городов (только в условиях плановой экономики).

Таким образом, к концу 80-х годов XX в. территория современной России была заселена крайне неравномерно. Относительно высокая плотность населения в европейской части страны контрастировала со слабозаселенной и малопригодной для жизни, но богатой полезными ископаемыми, территорией Зауралья. Политика формирования городских поселений в промышленных областях, без оглядки на пригодность для жизни населения, привела к появлению островков цивилизации в безлюдных и труднодоступных районах. Тяжелые климатические условия не способствовали комфортному проживанию населения. В первую очередь стоит указать на присутствие многолетней мерзлоты на 2/3 территории России (осложняется процесс строительства дорог, зданий и прочих объектов). Кроме того, влияние азиатского и арктического антициклонов на протяжении всего года способствует формированию континентального и резко континентального климата на всей территории Сибири. Резкие перепады летних и зимних температур влияют на структуру построек и также ускоряют процесс их деградации. Дополнительными труд-

ностями для хозяйственного использования земель стали природные катаклизмы (весенние половодья и затопления, лесные пожары). Тем не менее, в формате плановой экономики такая модель пространственного расселения продолжала показывать свою жизнеспособность.

К 1980-м годам в плановой экономике Советского Союза значительно усилился ряд негативных тенденций: технологическое и экономическое отставание от стран запада, сырьевая зависимость от цен на нефть, дефицит потребительских, в том числе продовольственных товаров, нарастающая зависимость от импорта зерна, технологий. Советское руководство осознавало необходимость проведения реформ еще задолго до перестройки. В частности, планы реформирования экономики разрабатывал Ю.В. Андропов, учитывая китайский опыт преобразований Дэна Сяопина. Реформы конца 1980-х годов уже не смогли ликвидировать общий кризис советской системы. В республиках (прежде всего в Прибалтике и в Закавказье) начались тенденции сепаратизма, провозглашение суверенитетов и полной независимости. Одной из первых свой суверенитет в составе нового Союзного государства провозгласила крупнейшая союзобразующая РСФСР 12 июня 1990 г., что подтолкнуло и другие республики сделать то же самое.

Это было связано с ее гораздо более низким статусом по сравнению с остальными национальными республиками. РСФСР являлась главным производителем союза, но значительно отставала от союзных республик по целому ряду социально-экономических параметров. Основные инвестиции (кадровые, капитальные) шли на развитие других респу-

блик. Как уже шла речь выше, политически РСФСР также имела самый низкий статус в СССР. Кроме того, в начале 1990 г. союзная власть начала повышение экономического статуса автономных республик, областей и округов, некоторое выравнивание его со статусом союзных республик. Эти факторы и послужили причиной принятия Декларации о суверенитете подавляющим большинством голосов Верховного Совета РСФСР.

Закономерные симметричные декларации приняли и другие республики, составлялся вариант нового Союзного договора, но после августовского путча 1991 г. республики массово начали провозглашать независимость. Беловежские соглашения 8 декабря 1991 г. зафиксировали, что СССР прекратил свое существование, хотя союзными властями планировалось подписание нового Союзного договора между Россией, Беларуссией и республиками Средней Азии. Однако РСФСР в лице первого Президента России Б.Н. Ельцина после референдума о независимости Украины, не пошла на новый союз. Отчасти это объясняется тем, что Союз, в котором республик Средней Азии будет пять, а на Россию и Белоруссию будет приходиться только по одному голосу не устраивал Россию. С учетом того, что 12 из 15 союзных республик к тому времени уже провозгласили независимость, на постсоветском пространстве (за исключением Прибалтики) было создано Содружество Независимых государств, которое объединило в себя большую часть бывших советских республик.

Таким образом, советская модель пространственного развития, национальной и региональной политики за 70 лет своего существования

потерпела крах. Авторское мнение состоит в том, что потребность новых республик в единстве, в Союзе была сильна тогда, когда еще сохранялась память о дореволюционной исторической России. Со сменой поколений, с формированием и укреплением новых национальных элит такой потребности у них становилось меньше. С распадом Союзного государства усилились притеснения русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Началась эмиграция русского населения из союзных республик в Россию. Из-за массовости этого явления и для упорядочивания этого процесса была создана программа переселения соотечественников из-за рубежа.

При общих центробежных тенденциях такие же процессы были запущены уже внутри самой РСФСР. Сильнее всего они проявились в Республике Татарстан и Чеченской Республике. С Республикой Татарстан в 1994 г. был заключен особый федеративный договор, а в Чечне произошло две кровопролитные войны в середине и в конце 1990-х годов – начале 2000-х годов. Референдум 2003 г. в Чечне, на котором ее жители подавляющим большинством проголосовали за ее вхождение в состав России, открыл дорогу мира в многострадальной республике.

В современных условиях подход к системе расселения России изменился. В последние 30 лет ряд процессов указал на несовершенство советского подхода, и потребность в создании новой концепции пространственного развития страны. Под влиянием смены общественно-политической формации, демографического кризиса и изменений в закономерности развития урбанизации в настоящее время формируется

новая система расселения, схожая по своей структуре с западной.

За последние полвека западные страны превратились из системы районов и провинций, штатов, департаментов и т.п. в некое созвездие агломераций, распространивших свое влияние на обширные территории, которые в сумме уже охватили почти всю страну. Теперь суждения о территориальной структуре общества западной страны правильнее всего строить не по традиционной сетке административно-территориального деления или выделенных учеными социально-экономических районов, а по крупным агломерациям и зонам их влияния [Смирнягин, 2009]¹³.

Согласно новой Конституции Российской Федерации 1993 г., страна теперь выгодно отличается от Советского Союза. В ней не заложена конфедеративность, она не является союзом республик, или регионов. Она гораздо более унитарна, чем был СССР, что видно в самом названии страны, Российская Федерация или Россия. Особенно позитивно на пространственном развитии России сказалось введение института полномочных представителей Президента в федеральных округах в 2000-ом году. Это значительно укрепило вертикаль власти, усилило контроль Президента за регионами. Следствием проводимой политики стала ликвидация политической турбулентности, укрепление связей регионов с Центром, ликвидация сепаратистских тенденций.

В 1990-е годы страна вступила в эпоху формирования рыночных отношений. Свобода предпринимательства, введенная фактически еще в 1988 г., открыла возможности для

творческой реализации многих людей. Предпринимательство сконцентрировалось тогда в ставших наиболее прибыльными сферах торговой и посреднической деятельности. Для многих это был единственный способ выживания в то время, поскольку ряд реформ характеризовались не только положительными, но и отрицательными сторонами.

Переход от плана к рынку решено было проводить резко и быстро. Резкая либерализация цен обосновывалась ее разработчиками как необходимость ликвидации угрозы голода вследствие усиливающегося товарного дефицита, в первую очередь продуктового. При этом индексация сбережений граждан по курсу инфляции проведена не была, в результате накопления многих граждан обесценились, были потеряны. В отношениях между предприятиями гиперинфляция привела к невозможности расчетов в денежном виде, бартерных сделкам, потере прибылей и, как следствие, снижению налоговых отчислений, сокращению бюджетоформирующей базы государства. Следствием этого явился дефицит бюджета, невыплаты зарплат бюджетникам, дальнейшее снижение уровня жизни.

Резкая либерализация внешней торговли привела к наплыву импорта, незащищенности отечественного товаропроизводителя и потере конкурентоспособности многих российских предприятий. Особенно сильно вышеуказанные меры ударили по российской промышленности в отраслях машиностроения, легкой промышленности. В глубоком кризисе оказались целые регионы, развитие которых зависело главным образом от предприятий этих отраслей (регионы Центральной России, Урала). Дополнительным фактором, ослож-

¹³ Смирнягин Л.В. Система расселения России: тенденции к переменам // Городской альманах. Т. 4. Фонд Институт экономики города Москва, 2009. С. 200–209.

нившим работу многих предприятий, стала приватизация. Согласно докладу Госкомимущества В.П. Полеванова одной из многих отрицательных сторон приватизации явился отпуск государственных предприятий в частные руки по ценам гораздо ниже рыночных, фактически за бесценок.

Результатами реформ явилось существенное снижение уровня жизни, состояния здоровья населения, сильно выросла смертность и снизилась рождаемость. Резкое падение промышленного, сельскохозяйственного производства, сокращение научной базы, обнищание большого количества граждан страны привело к снижению ее производственного, демографического потенциала. В части пространственного развития происходило сжатие и оголение российского пространства вследствие негативных демографических тенденций, эмиграции населения, безработицы в целых регионах страны.

После дефолта 1998 г. произошло некоторое оздоровление экономики посредством снижения импорта. Началось восстановление промышленного производства, вообще хозяйства страны, началась выправляться демографическая ситуация. Начавшийся в 2000-е годы рост цен на нефть также благоприятно сказался на динамике социально-экономического развития страны.

В 2006 г. году Президентом России были предложены и введены такие стимулирующие методы для демографического и социального развития как материнский капитал, сумма которого год от года индексируется. Удалось добиться роста численности населения, его естественного прироста.

С 2005 по 2008 гг. в России был ликвидирован ряд национальных автономных округов, что укрепило

государство, сделало его более объединенным. Особенно важно учитывать данный факт, принимая во внимание размеры некоторых бывших автономных округов (Таймырский, Эвенкийский в Красноярском крае). В 2007 г. Россия после проведения специальной экспедиции установила свое право на арктический шельф, после чего усилилось внимание к вопросам развития Арктической зоны России. В 2010-е годы разрабатывается Стратегия пространственного развития России, документ стратегического планирования, призванный обеспечить комплексное развитие и освоение пространства России в интересах ее граждан.

По мнению авторов основным негативным фактором, сдерживающим эффективное пространственное развитие России, являются ярко выраженные диспропорции в размещении населения между западными и восточными территориями, усиленные центростремительными внутренними миграциями. Например, на 1 января 2020 г. на регионы Сибири и Дальнего Востока приходилось всего 17% населения России (25,3 млн. человек), при этом доля в населении данных стратегически важных для страны территорий стремительно сокращается. Только в период с 1998 по 2018 гг. численность населения Сибирского федерального округа сократилась на 1 млн. 400 тыс. (6,8%), а Дальневосточного федерального округа на 971 тыс. (13,6 %) человек.

Приходится признать, что в большей части регионов России (в 55 из 86) происходят процессы сжатия, уменьшения численности и плотности населения, «скукоживания» городской ткани и снижение потенциала городских агломераций в восточных регионах страны (Рис.1).

Рис 1. Распределение населения на территории России

Активнее всего сжатие происходит в регионах Европейского Севера, северной и континентальной части Дальнего Востока, в большинстве республик Северного Кавказа, а также в Забайкальском крае, Республике Тыве. Для большинства северных регионов, а также для республик Северного Кавказа характерен положительный естественный прирост, молодое население, но он при этом не перекрывает высокую миграционную убыль населения. Столь высокая миграционная убыль объясняется по всей видимости дефицитом рабочих мест, низкими доходами населения в республиках Северного Кавказа, а для северных регионов еще и суровыми климатическими условиями, высокой стоимостью жизни.

Более сглаженные, средние темпы убыли населения характерны для большинства регионов Европейской России, половины регионов Сибири, регионов приморской части Юга Дальнего Востока. Для регионов этих групп, как правило в Европейской России, а также в Алтайском, Приморском краях и в Кемеровской области имеют место как естественная убыль вследствие постаревшего населения, так и его миграционный отток. Молодая возрастная структура, естественный прирост, но преобладающая миграционная убыль характерна в этих группах для регионов Азиатской России, Предуралья, некоторых регионов Юга (Ставропольский край, Астраханская область). Миграционный отток в этих группах обусловлен, как правило, дефицитом хорошо оплачиваемых рабочих мест.

Средние темпы роста населения при его естественной убыли, постаревшей возрастной структуре характерны для большинства регионов Центрального Черноземья, для ре-

гионов с крупнейшими промышленными центрами (Самарская, Нижегородская, Ярославская, Рязанская, Тульская области), для приморских регионов (Республика Крым, Ростовская обл.) Естественный же и миграционный прирост при средних темпах роста населения характерен для Свердловской области, Республики Татарстан. Выделяется плеяда растущих регионов в Сибири: Красноярский край, Новосибирская, Томская области.

Лидерами по приросту населения традиционно являются регионы крупнейших столичных агломераций Москвы и Санкт-Петербурга, Тюменская область, Краснодарский край а также г. Севастополь и Калининградская область. Их различие состоит в более молодой возрастной структуре Москвы и Санкт-Петербурга по сравнению с областями вокруг них, где наблюдается естественная убыль населения. Естественная убыль, постаревшее население характерно также для г. Севастополя и Калининградской области. Тюменская же область и Краснодарский край, помимо двух столиц являются абсолютными лидерами по темпам роста населения, и отличаются положительной величиной обоих его компонентов: естественного и миграционного.

Таким образом, в российских регионах преобладают процессы сжатия, особенно в регионах Севера и Востока страны. Рост, наоборот, характерен скорее для южных и западных регионов. Можно говорить о наличии в стране юго-западного демографического тренда. Миграционные тенденции обусловлены, как правило, дефицитом хорошо оплачиваемых мест приложения труда в большинстве регионов страны. В половине регионов России имеют место тенденции естественной убыли,

обусловленные постаревшей структурой населения, особенно в регионах Европейской России. Миграционным ростом, но постаревшим населением, естественной убылью характеризуются регионы Центральной России к югу от Москвы. Естественный и миграционный демографический рост характерен для столичных городов и для крупных регионов с развитым хозяйством: Свердловской, Тюменской, Новосибирской, Томской областей, Республики Татарстан, Красноярского, Краснодарского краев.

Опыт развития систем расселения в таких странах как Канада и Австралия позволяет говорить об их конкурентном преимуществе по сравнению с советским видением. Сегодня большинство некогда процветающих промышленных и производственных центров находятся в упадке. Население таких отдаленных регионов как Чукотский АО и Камчатский край сокращается под влиянием не только демографического кризиса, но и закономерного экономического спада. Система расселения России в будущем будет формироваться в пределах экономически развитых городов и районов, в то время как работа в труднодоступных и малопригодных для жизнедеятельности промышленных областях будет вестись в основном посредством «вахтового метода».

Актуальность решаемых задач связана с обеспечением национальной конкурентоспособности и перспективам России в мировой системе разделения труда (СРТ), так как драйверы социально-экономического развития локализируются в мегаполисах, агломерациях и конурбациях (на 280 крупнейших урбанизированных территорий на планете уже прихо-

дится 50% мирового ВВП). Именно в них внедряются инновации, создаётся прибавочная стоимость, концентрируется людской и финансовый капитал, и – в результате – проявляется искомый эффект масштаба.

Одним из наиболее актуальных «больших вызовов» для России остается исчерпание возможностей экономического роста, что во многом обусловлено неэффективной системой пространственной организации экономики страны и низкой связанностью её регионов. Диспропорции в размещении производительных сил и, в особенности – населения, усиливают уже сложившуюся очень высокую степень социально-экономической дифференциации регионов страны, осложняют освоение ресурсных центров и восточных территорий, формируют дефицит спроса на рынке труда и сверхконцентрацию ресурсов в Европейской части России.

Реалистичным проектом оптимизации тенденций пространственного развития и системы расселения страны видится представленная ведущими экономистами и государственными деятелями модель развития 15–20 агломераций, способных конкурировать между собой за человеческий капитал и сформировать альтернативу Московской и Санкт-Петербургской агломерациям в масштабах всего государства, что особенно важно для восточных территорий страны. Однако реализация указанного проекта может иметь различные сценарии и серьезные социально-экономические и политические риски, что требует более глубокого системного изучения и моделирования возможных сценариев, а также социально-экономических эффектов развития новых агломераций.

Библиографический список

1. Толковый словарь Ожегова [Электронная версия] – <https://slovarozhegova.ru/>
2. Монтескье Ш.Л. – О духе законов. М.: Мысль, 1999. – 674 с. ISBN 5-244-00929-X
3. Официальный сайт Правительства Российской Федерации – <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>
4. Территория и население России. Россия 1913 год // Статистико-документальный справочник Санкт-Петербург – <http://istmat.info/node/167> [Электронный ресурс]
5. Д.И. Менделеев. К познанию России. 1906 г.
6. Бахтурина, Александра Юрьевна // Государственное управление западными окраинами Российской империи (1905 – февраль 1917 г.). – М.: Дис. ... д-ра ист. наук, 2006. – С. 22.
7. Польша в XX веке. Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2012
8. Сергей Кара-Мурза. Крах СССР: кто виноват? – М.: Издательство: Алгоритм, 2016 г.
9. Кузнечевский В.Д. «Ленинградское» дело. Москва. 2013.
10. Романов И. Стратегия восточных территорий. М., 2008
11. Константинов О.А. Изменения в географии городов СССР за советский период. – Вопросы географии, сб. 6. М., 1947
12. Смирнягин Л.В. Система расселения России: тенденции к переменам // Городской альманах. Т. 4. Фонд Институт экономики города Москва, 2009. С. 200–209.

Максимова А.С.,
Моисеева Е.М.,
Безвербная Н.А.,
Маншин Р.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРУПНЕЙШИХ ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ В РОССИИ В ПЕРИОД С 1990 ПО 2019 ГГ.

Максимова Анастасия Сергеевна, к.э.н., старший научный сотрудник Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: lubijzn@yandex.ru

Моисеева Евгения Михайловна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: evgeniyamoisseva@mail.ru

Безвербная Наталья Александровна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: bezvad@mail.ru

Маншин Роман Владимирович, к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: manshin@list.ru

Аннотация. Целью статьи является сбор и систематизация данных о масштабах разрушений и причиненного ущерба (потери населения и экономические потери) в результате техногенных катастроф в России в период с 1990 по 2019 гг. на основе консолидированной информации из различных источников.

Ключевые слова: техногенная катастрофа, катастрофы в России, демографические последствия катастроф, промышленная авария, авария на транспорте

(Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-78-10149)

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF THE LARGEST TECHNOGENIC DISASTERS IN RUSSIA IN THE PERIOD FROM FROM 1990 TO 2019

Anastasia S. Maksimova, Ph. D., senior researcher, Department of labor resources reproduction and employment of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. E-mail: lubijzn@yandex.ru

Evgeniya M. Moiseeva, Junior Researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Natalia A. Bezverbnaya, Junior Researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Roman V. Manshin, leading researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS (Moscow, Russia). E-mail: manshin@list.ru

Abstract. The purpose of the article is to collect and systematize data on the scale and damage (population and economic losses) due to man-made disasters in Russia in the period from 1990 to 2019 on the basis of consolidated information from various sources.

Key words: man-made disaster, the disaster in Russia, the demographic consequences of the disaster, industrial accident, accident in transportation

Цитирование: Максимова А.С., Моисеева Е.М., Безвербная Н.А., Маньшин Р.В. Демографические последствия крупнейших техногенных катастроф в России в период с 1990 по 2019 гг. // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 82-92

В научной литературе в фокусе основного исследовательского интереса находится предупреждение техногенных катастроф и оценка их последствий, а поставленные задачи решаются зачастую с применением инструментов математического моделирования.

Уточнений требует концептуальная основа исследований природы техногенных катастроф. В соответствии с одним из подходов «Техногенная катастрофа – это катастрофа, вызванная сбоем в работе технических систем, повлекшая аварию на объекте промышленного комплекса, энергетики, транспорта» [1]. В соответствии с директивой Европейского парламента и Совета «О контроле крупных аварий...», «крупная авария» – происшествие, связанное с одним или несколькими опасными веществами, такое как крупный выброс, пожар или взрыв, имеющее мгновенное или замедленное действие, возникшее внутри или за пределами предприятия в результате неконтролируемых событий в процессе деятельности любого предприятия» [2]. Установлены критерии, при которых Комиссия должна получить сведения о крупной аварии, касаемые выброса опасных веществ, ущерб, нанесенного физическим лицам или недвижимому имуществу, ущерб окружающей среде, трансграничного ущерба [2].

В соответствии с классификацией «Единой межведомственной методики оценки ущерба от чрезвычайных ситуаций техногенного, при-

родного и террористического характера, а также классификации и учета чрезвычайных ситуаций» [3] к техногенным чрезвычайным ситуациям (далее – ЧС) относятся: «транспортные аварии и катастрофы, пожары, взрывы, аварии с выбросом опасных веществ, обрушение зданий, сооружений, аварии на электроэнергетических системах, аварии на системах жизнеобеспечения и очистных сооружениях, гидродинамические аварии: прорывы, плотин, дамб, шлюзов, перемычек и др., прочие техногенные ЧС». При этом, должны быть определены количественные характеристики ЧС, аварий и катастроф, поскольку даже авария, без жертв и разрушений небольшого объекта транспорта подходит под вышеуказанные определения техногенной катастрофы и ЧС. Так для ЧС в отношении реагирования системы здравоохранения предлагается определение, конкретизирующее некоторые количественные параметры: ЧС – это «обстановка, сложившаяся в результате катастрофы, при которой число пораженных, нуждающихся в экстренной медицинской помощи, превосходит возможности своевременного ее оказания силами и средствами местного здравоохранения» [4].

Аналогичный критерий выдвигнут в международном реестре катастроф, где под стихийным бедствием (disaster) понимается «ситуация или событие, которое превышает местный потенциал, что требует запроса на внешнюю помощь на национальном или международном

уровне» или «непредвиденное и часто внезапное событие, которое причиняет огромный ущерб, разрушение и человеческие страдания» [5]. Однако данный подход призван дать определение феномена катастрофы в целом, без учета специфики сферы их возникновения: природной или технологической. Таким образом, техногенная катастрофа является причиной и предопределяет сложившуюся техногенную чрезвычайную ситуацию.

Анализ динамики техногенных катастроф в России проводился на основе информации из баз данных о техногенных катастрофах по странам мира.

Наиболее информативная и имеющая удобный интерфейс пользователя база о техногенных и природных катастрофах – EM-DAT, разработанная Центром исследований эпидемиологии катастроф (Center for Research on the Epidemiology of Disasters – CRED) и содержащую записи о событиях, произошедших с 1990 г. Для России массив доступных данных начинается с 1990 г. Для внесения события в базу данных необходимо выполнение хотя бы одного из трех условий: численность погибших составила не менее 10 человек, численность пострадавших – не менее 100 человек, пострадавшая страна объявила чрезвычайное положение и/или призывает к международной помощи [5]. Заметим, что природный или экологический ущерб в этих критериях не отражен. В отдельных случаях вносятся записи о событиях, нанесших значительный ущерб, т.е. определяемых как «худшее стихийное бедствие за десятилетие» и / или «катастрофа с самым серьезным ущербом для страны» [5].

Внесем уточнение о методике оценки ущерба, использующейся в EM-DAT. Общая сумма ущерба (total damage) рассчитывается как стоимость всех экономических потерь, прямо или косвенно связанных с бедствием. Информация может включать сведения отдельно по сферам, в случае если она имеется: социальная сфера, инфраструктура, производство, окружающая среда и др. Оценка производится по текущей стоимости. Стоимость реконструкции (reconstruction cost) – это сумма затрат, необходимых для замены утраченных активов. Затраты на реконструкцию отличаются от суммы общего ущерба, поскольку они должны учитывать текущую стоимость строительства или покупки товаров, а также дополнительные расходы на меры по предотвращению и смягчению последствий для уменьшения ущерба от будущих стихийных бедствий. Страховые убытки (insured losses) – сумма ущерба, выплачиваемого страховыми компаниями. Однако, для техногенных аварий, случившихся в России, в EM-DAT сумма страховых убытков не оценена.

Остановимся на методах оценки демографических и социально-экономических потерь. Прямые потери в результате катастрофы представляют собой сумму общего количества погибших и общего количества пострадавших.

Общее количество погибших складывается из суммы погибших и пропавших без вести. Пропавшими без вести считаются люди, чье местонахождение со времени катастрофы неизвестно, и, предположительно, они являются погибшими. Общее количество пострадавших представляет собой сумму пострадавших, раненых и оставшихся без жилища.

В оценках демографического ущерба от техногенных происшествий для России в статье приведены данные об общем количестве погибших и общем количестве пострадавших, без указания более точных составляющих этих показателей [6].

В годовом докладе МЧС наряду с количеством погибших и пострадавших также существует графа «спасено». Классификация техногенных ЧС по методике МЧС содержит: аварии грузовых и пассажирских поездов; аварии грузовых и пассажирских судов; авиационные катастрофы; ДТП с тяжкими последствиями; аварии на магистральных и внутрипромысловых нефтепроводах и магистральных газопроводах; взрывы в зданиях, на коммуникациях, технологическом оборудовании промышленных объектов; взрывы в зданиях и сооружениях жилого, социально-бытового и культурного назначения; аварии с выбросом (угрозой выброса) АХОВ (аварийно-химических отравляющих веществ); аварии с выбросом (угрозой выброса) РВ (радиоактивных веществ); обрушение зданий и сооружений жилого, социально-бытового и культурного назначения; аварии на электроэнергетических системах; аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения [7]. При этом, ДТП с тяжкими последствиями признаются «автомобильные катастрофы, в которых погибло 5 и более человек или пострадало 10 и более человек (по данным МЧС России)». Данная классификация содержит большее количество подтипов (если считать, что техногенная ЧС – это тип), чем EM-DAT, указывающих на особенности объектов аварии или опасных воздействующих веществ. Используемая в EM-DAT классификация видов техногенных катастроф представля-

ется достаточно общей и содержит три типа катастроф: промышленные аварии, транспортные аварии и смешанные аварии, каждый из которых разделен на подтипы. На наш взгляд, необходимо уточнение вида объекта, на котором произошла промышленная авария в соответствии с некоторой классификацией (энергетические объекты, химические объекты и др.), поскольку каждый из указанных объектов отличается различным уровнем рискогенности. В категорию «смешанные аварии», включающую аварии, не относящиеся к объектам промышленности и авариям на транспорте, согласно текущей классификации может быть отнесено множество инцидентов.

Другой источник информации о техногенных катастрофах и бедствиях – база Relief Web, разработанная ООН [8]. Однако, данный ресурс уступает по объему информации уже рассмотренной EM-DAT, поскольку содержит сведения только о 43 техногенных инцидентах по всему миру, 3 из которых так или иначе относятся к России.

GLobal IDentifier number (GLIDE) – код бедствия, служащий для его идентификации и сопоставления в различных базах данных. При описании техногенных катастроф в России, идентификатор приведен для тех случаев, для которых он существует в базе GLIDE [9].

В соответствии с результатами исследования, увеличение количества техногенных катастроф в мире наблюдается с середины 80-х годов, при этом, основную долю из их составляют транспортные инциденты [5]. В EM-DAT данные по России доступны только с 1991 г. Записи содержат следующие сведения: локация аварии, координаты (широта,

долгота), общее количество погибших, общее количество пострадавших (по годам в разрезе категорий пострадавших), сумму ущерба, сопутствующее событие, возникшее в результате аварии (если оно существовало), название аварии или название промышленного, транспортного или иного объекта, на котором она произошла. Сопутствующие события – это вторичные и / или сопутствующие последствия первичного события (например, оползень при наводнении, взрыв после землетрясения и др.). [5].

На сайте ФОМ представлены данные опроса мнений населения и экспертов о масштабах катастроф и стихийных бедствий в России, проведенного в 2002 году. По мнению населения, за последние сто лет количество техногенных катастроф увеличилось и в перспективе продолжит увеличиваться [10]. Динамика реального количества катастроф за 29 лет этого не подтверждает, поскольку восходящий тренд при визуализации абсолютного количества катастроф отсутствует (рис. 1).

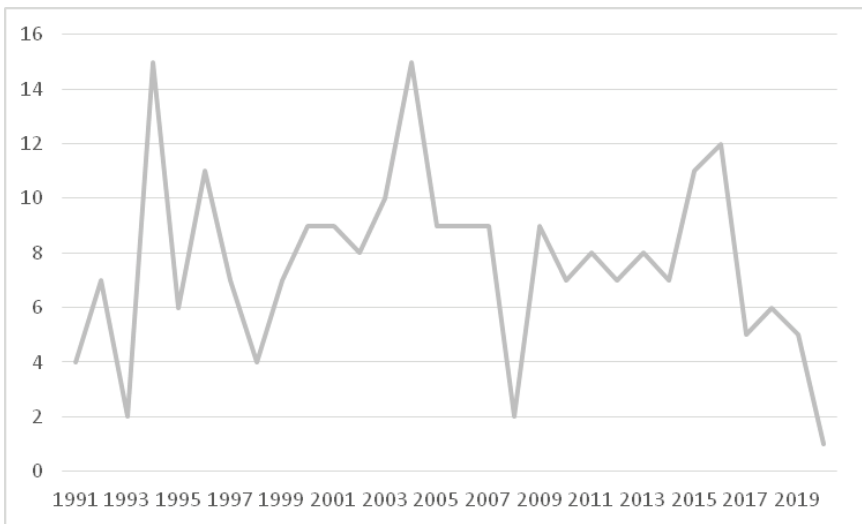

Рис. 1 Динамика количества техногенных катастроф в России 1990–2019 гг., шт.

Источник: построено по данным EM-DAT [5].

Динамика потерь населения: общего количества погибших и общего количества пострадавших в России 1990–2019 гг. также не поддается аппроксимации с помощью тренда. Однако, очевидно, что среди трех выделяемых в EM-DAT типов аварий, за рассматриваемый период преобладали аварии на транспорте, на которые приходилось 57% всех аварий кумулятивным итогом за период. На них

же приходится наибольшее количество погибших: 78%, в то время как в авариях других типов только 16% и 26%. Однако наибольший ущерб населению с точки зрения суммарных прямых потерь нанесли аварии, относящиеся к типу смешанных в соответствии с методологией EM-DAT (рис. 2). Однако, следует заметить, что это мгновенные потери, не учитывающие пролонгированное воз-

действие последствий самой аварии на здоровье населения, а также эко-

логические последствия и их влияние на заболеваемость.

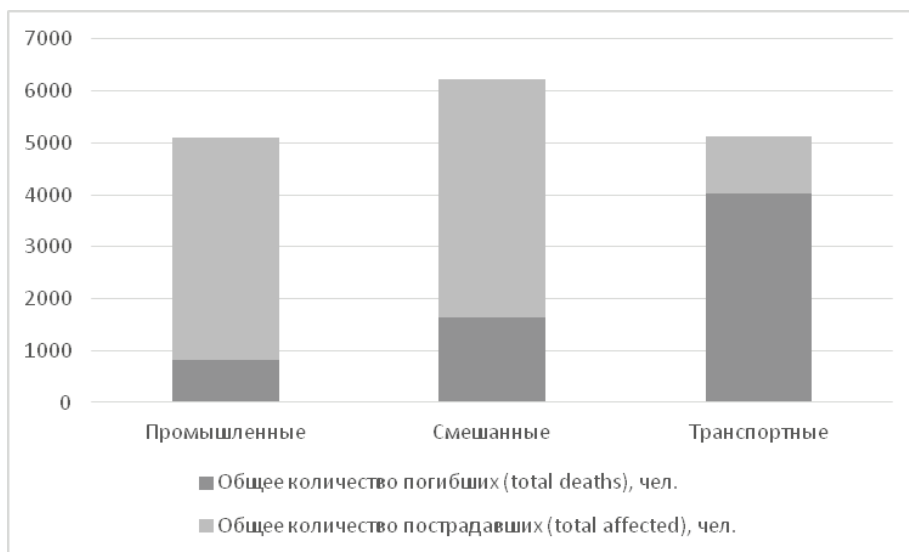

Рис. 2 Прямые потери населения в результате техногенных катастроф по их типам, 1990–2019гг., чел.

Источник: построено по данным EM-DAT [5].

Однако, доля погибших в транспортных авариях в общей численности погибших в различных техногенных авариях в России за период 1990–2019 гг., существенно колебалась в интервале от «0» в 2007 и 19,5% (в 2009 г.) до 100% (ряд лет).

Рассмотрим наиболее крупные по показателям прямых потерь населения (количеству погибших и пострадавших) техногенные катастрофы в России (табл. 1, табл. 2).

Остановимся подробнее на авариях, повлекших за собой наибольшие человеческие потери и в результате которых пострадало наибольшее количество человек.

В результате пожара в ночном клубе «Хромая лошадь» в г. Пермь (GLIDE number FR-2009-000256-RUS) общее количество погибших

146 человек, общее количество пострадавших 86 человек. По данным МЧС, наибольшее количество погибли и пострадали из-за вдыхания дыма. Причиной пожара названы использование внутри помещений фейерверков или короткого замыкания [5; 9].

В катастрофе ТУ-154 в аэропорту г. Иркутска погибли 145 человек. При заходе на посадку самолет упал в штопор, причиной аварии был установлен «вывод самолета управляющими действиями экипажа на закритические углы атаки с последующим переходом в режим сваливания и штопора». «Катастрофа явилась следствием нарушения взаимодействия в экипаже и отсутствия должного контроля за выдерживанием основных параметров полета в процессе захода на посадку» [11].

Таблица 1

Наиболее крупные техногенные катастрофы в России по количеству погибших за период 1990–2020 гг.

Тип	Происшествие	Локация	Дата происшествия	Общее количество погибших (total deaths), чел.
Смешанные аварии	Пожар в ночном клубе	г. Пермь	04.12.2009	146
Транспортная авария	крушение Ту-154	г. Иркутск	03.07.2001	145
Транспортная авария	крушение Airbus 310	г. Иркутск	09.07.2006	131
Транспортная авария	крушение круизного лайнера «Булгария»	Республика Татарстан	10.07.2011	130
Транспортная авария	крушение Ту-154	с. Мамоны (Иркутск)	03.01.1994	124
Транспортная авария	крушение Airbus 320	Черное море	02.05.2006	113
Промышленная авария	взрыв на Ульяновская угольная шахта	г. Кемерово	18.03.2007	108
Транспортная авария	затопление подводной лодки «Курск»	Баренцево море	13.08.2000	108
Промышленная авария	взрыв на угольной шахте «Распадская»	Кемеровская область	08.05.2010	106
Транспортная авария	крушение Ту-154	Дальний Восток	07.12.1994	97

Источник: составлено по данным [5]

Таблица 2

Наиболее крупные техногенные катастрофы в России по количеству пострадавших за период 1990–2020 гг.

Тип	Происшествие	Локация	Дата происшествия	Общее количество пострадавших (total affected), чел.
Промышленная авария	взрыв на складе боеприпасов	с. Новожино,	14.05.1994	3000
Смешанные аварии	прорыв дамбы	Республика Башкортостан	07.08.1994	1000
Смешанные аварии	Пожар в ТЦ	г. Кемерово	25.03.2018	844
Смешанные аварии	пожар в жилом здании	пос. Литовко	31.05.1996	600
Смешанные аварии	пищевое отравление	г. Краснодар, г. Сочи	06.11.2005	226
Промышленная авария	взрыв на химическом заводе	г. Хабаровск	19.02.1997	217
Смешанные аварии	вспышка сальмонеллеза	с. Тамбовка	25.06.2004	207
Смешанные аварии	нет данных	Воронежская область	15.07.2000	202
Смешанные аварии	Пожар в общежитии Университета Дружбы народов	г. Москва	24.11.2003	197
Промышленная авария	взрыв на шахте «Юбилейная»	г. Новокузнецк	24.05.2007	178

Источник: составлено по данным [5]

Приземлившийся Airbus 310 выкатился за пределы взлётной полосы и врезался в строения, в результате чего возник пожар. Технической комиссией было установлено, что причиной аварии является «некачественное взаимодействие в экипаже на этапе пробеге самолета, а также недостаточный опыт выполнения полетов второго пилота», на «исход аварийного полета могло оказать также влияние состояние преждевременной психической демобилизации, в которое экипаж мог попасть на пробеге после длительного ночного перелета». [12]

В результате шторма на р.Волге 10 июля 2011 года в Республике Татарстан в одной из самых широких точек реки затонул Круизный лайнер «Булгария» (GLIDE number AC-2011-000086-RUS). Затопление произошло в течение нескольких минут, погибло 130 человек [9].

Авиакатастрофа около с.Мамоны произошла в воздухе по причине возгорания двигателя самолета ТУ-154 через несколько минут после взлета.

Затопление атомной подводной лодки К-141 «Курск» в Баренцевом море-одна из крупнейших аварий подводного флота в послевоенной истории. Численность погибших составила 118 человек [13].

В результате двух взрывов метана на шахте «Распадская» в Кузбассе в Сибири 8 мая 2010 года (GLIDE number AC-2010-000093-RUS) погибли 106 человек, пострадали 129. Взрыв оценивался в 3 балла [5;9].

В селе Новоженино пожар на складе боеприпасов привел к детонации снарядов. Осколками разлетевшихся боеприпасов и стеклом, разбитых мощной взрывной волной, были

ранены 22 человека [14]. Общее количество пострадавших оценивается в 3000 человек.

В результате длительных дождей и плохого состояния плотины в 1994 г. в пос. Тирлян Республики Башкортостан прорвало плотину местного пруда. Уровень воды в Тирлянском водохранилище увеличился вдвое и превысил критическую отметку. Были остановлены все промышленные предприятия и котельные, закрыты школы и государственные учреждения, закрыт аэропорт [15].

Пожар в торговом центре «Зимняя Вишня» в сибирском городе Кемерово (GLIDE number FR-2018-000038-RUS) начался 25 марта 2018 г., его площадь составила около 1600 квадратных метров. Двадцать человек были спасены из самого здания и еще 700 были эвакуированы. Общее количество погибших составило 64 человека, общее количество пострадавших 844 человека [5; 9].

В результате пожара в поселке Литовко Хабаровского края сгорело 52 здания, большинство из которых были жилые. Причиной возгорания явилось замыкание электропроводки.

Помимо человеческих жертв, техногенные аварии влекут за собой причинение экономического ущерба и способны нанести серьезный экологический ущерб. Однако, оценка экологического ущерба представляет собой отдельную методологическую задачу. Наиболее крупные техногенные катастрофы по сумме причиненного экономического ущерба, это авария на Саяно-Шушенской ГЭС (17.08.2009), при которой сумма ущерба составила 1320000 тыс. \$, и прорыв дамбы в Башкортостане

(07.08.1994), нанесший ущерб в размере 11200 тыс. \$. Ущерб от других инцидентов, произошедших в России в период 1990–2019гг. в EMDAT не оценен [5].

17 августа 2009 года в результате разрушения агрегата 2 (ГА-2) на Саяно-Шушенской ГЭС в Восточной Сибири (GLIDE number OT-2009-000161-RUS) были разрушены стены и потолок в турбинном помещении, и помещение затоплено. Все десять агрегатов были сразу остановлены. Общая площадь обрушения кровли и стен составила 400 м². [1, с. 184]. Эта авария является крупнейшей аварией в истории российской гидроэнергетики. По масштабам разрушений и выбросу энергии авария на Саяно-Шушенской ГЭС сопоставима с Чернобыльской трагедией: потеряно 6,4 ГВт энергетических мощностей (электроэнергии). Экономические потери составили: 130 млрд. рублей, включая затраты на восстановление, стоимость произведенной, нереализованной электроэнергии, повышение тарифа для потребителей [1, с. 187]. Другие инциденты энергетики: Сургутская ГРЭС 2008 г. без жертв; Киришская ГРЭС (Ленинградская область) 2009 г.; Повреждение и перегрузка ЛЭП в Московской энергосистеме 2005 г.

Другие инциденты, повлекшие экономические потери:

В результате пожара на территории ФГУП «31 Арсенал ВМФ» города Ульяновска 13 ноября 2009, помимо 35 погибших, сгорело 120 тонн снарядов [15].

В период с 10 по 15 мая 2017 года разрушение плотины в районе Ишим (Тюменская область) (GLIDE num-

ber FL-2017-000052-RUS) и разливы воды через реку Ишим вызвали массовые наводнения в Тюменской области, в частности, в районе города Ишим. Дамба была разрушена из-за большого количества тающего снега и сброса воды из водохранилища в окрестностях города Петропавловск в Казахстане [9].

13 ноября 2005 года в результате взрыва на нефтехимическом заводе компании «Цзилинь Петролиум» в Китае, в реку Сонхуа было выброшено около 100 тонн потенциально канцерогенных химических веществ. Из-за того, что река сливается с рекой Амур, от загрязнения пострадали около 70 населенных пунктов, в том числе Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. Общая протяженность разлива токсичных веществ составила 180 км. Государственные и местные органы власти приняли меры по минимизации возможных последствий, запрудив канал, а также проверив, защитив и отфильтровав воду. В результате этих мероприятий уровень загрязнения реки Амур такими химическими веществами, как бензол, нитробензол, хлорфенол и толуол, в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре не превысил предельно допустимых концентраций, как ожидалось, и водоснабжение Хабаровска было сохранено. В то же время отделение Красного Креста в Хабаровском крае обеспечило населения 45 000 литрами питьевой воды [8].

Таким образом можно резюмировать, что техногенные аварии в XXI веке по-прежнему остаются фактором смертности населения. Несмотря на то, что доля смертей от последствий техногенный катастроф в общей числе всех смертей крайне

низка, необходимо усиление требований в части безопасности при эксплуатации объектов повышенного риска. Показатель смертности от внешних

причин смерти является одним из критериев степени социально-экономического развития страны и общества в целом.

Библиографический список

1. Исмагилов И.Ф. Техногенные катастрофы – угроза экономической, энергетической, национальной безопасности и функционирования государства // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 5. – С. 184–189
2. Директива 2012/18/ЕС Европейского парламента и совета от 4 июля 2012 о контроле крупных аварий, связанных с опасными веществами, изменяющая и впоследствии отменяющая Директиву 96/82/ЕС Совета ЕС. Электронный ресурс. Режим доступа: http://phase1.pprdeast2.eu/assets/files/Publications/SevesoIII_Directive_RUS.pdf (дата обращения: 20.03.2020)
3. «Единая межведомственная методика оценки ущерба от чрезвычайных ситуаций техногенного, природного и террористического характера, а также классификации и учета чрезвычайных ситуаций»
4. Кузин С.Г., Пятлин А.В., Суханов С.Г. Организация работы судебно-медицинской службы в ликвидации последствий техногенных катастроф и внезапно возникших чрезвычайных ситуаций // Экология человека. – 2005. – № 3. – С. 22–25
5. The Emergency Events Database. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.emdat.be (дата обращения: 20.03.2020)
6. Maksimova, A., Ryazantsev, S., Lukyanets, A., Moiseeva, E. Methodological bases for assessing socio-demographic and migration consequences of man-made disasters // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9 – Issue 29. P. 213–223. DOI: 10.34069/AI/2020.29.05.24
7. Методические рекомендации по подготовке материалов в Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 году». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/3167> (дата обращения: 01.03.2020)
8. Relief Web. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://reliefweb.int/report/russian-federation/russian-federation-toxic-spill-dref-operation-no-05me071-final-report> (дата обращения: 20.02.2020)
9. GLobal IDentifier number GLUDEnumber. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glidenummer.net/glide/public/search/search.jsp> (дата обращения: 03.03.2020)
10. Фонд общественного мнения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bd.fom.ru/report/map/dd023109#tb023108> (дата обращения: 18.03.2020)
11. Распоряжение 13 декабря 2001г. № НА-434-р Министерство транспорта Российской Федерации «Об авиационном происшествии с самолетом ТУ-154М RA-85845». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.airdisaster.ru/reports.php?id=9> (дата обращения: 15.03.2020)
12. Информация технической комиссии по результатам расследования катастрофы самолета А310 авиакомпании «Сибирь» в аэропорту Иркутска 9 июля 2006 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.airdisaster.ru/reports.php?id=18> (дата обращения: 15.03.2020)
13. Гибель атомной подводной лодки «Курск». РИА Новости от 12.08.201. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190812/1557340444.html> (дата обращения: 24.03.2020)

14. Взрыв складов Тихоокеанского флота. До Владивостока снаряды не долетели. Газет «Коммерсант» №88. От 17.05.1994г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/78739> (дата обращения: 22.03.2020)

15. Наводнение в Башкирии. Поток смыло жилые дома. Газета «Коммерсант», №147 от 09.08.1994г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/86236> (дата обращения: 20.03.2020)

16. Новый взрыв на арсенале в Ульяновске – восемь погибших. РИА Новости от 23.11.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20091123/195183826.html> (дата обращения: 22.03.2020)

DOI 10.38085/2308829X-2020-2-93-96
УДК 330.341.1:[336.76-021.167(100)]

Юрченко Ю.П.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПАРАДОКСЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Юрченко Юрий Петрович – кандидат социологических наук, независимый эксперт. E-mail: 99774095@lenta.ru

Рецензия на монографию: Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции: монография / В.Д. Миловидов; предисл. М.Е. Фрадкова. Москва: Магистр, 2019. 336 с.

Ключевые слова: международные финансы, технологическая революция, большие данные, неопределенность финансового рынка, иррациональное поведение инвесторов, информационная асимметрия, симметрия заблуждений, экспоненциально масштабируемые события.

INNOVATIVE PARADOXES OF FINANCIAL MARKET UNCERTAINTY

About the author: Yuri P. Yurchenko – PhD in Sociology, an independent expert, E-mail: 99774095@lenta.ru

Abstract: Review of the book by Milovidov V. D. Symmetry of delusions. Uncertainty factors of the global financial market under the technological revolution / V. D. Milovidov; preisl. M.E. Fradkov. Moscow, Magistr, 2019. 336 p. (In Russian).

Keywords: international finance, technological revolution, big data, uncertainty of financial market, irrational investor's behavior, information asymmetry, symmetry of delusions, exponentially scalable events.

Цитирование: Юрченко Ю.П. Инновационные парадоксы неопределенности финансового рынка // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 93-96

Монография В.Д. Миловидова «Факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции» обрамлена идеей, что в условиях расширения инструментов анализа и прогнозирования процессов, развивающихся на финан-

совом рынке, основным его участником является личность, которая исходя из своих знаний и опыта, темперамента и интуиции, целей инвестиционной деятельности может избирать верные стратегии поведения или, напротив, ошибаться. Труд базируется

ся на серьезном массиве научной литературы и богат на инновационные исследовательские методы. Выводы и рекомендации автор формулирует ясно – они нацелены на перспективу.

Прежде всего ученый отмечает, что развитие современных технологий оказывает существенное влияние на деятельность финансовых институтов, которые вынуждены обрабатывать все возрастающий объем данных. В этой связи и в свете перманентно присущей финансовому рынку проблемы неопределенности особую актуальность, по мнению В.Д. Миловидова, приобретает внедрение в финансовую деятельность технологий обработки больших данных. Как указывает автор, эта тенденция рельефно выражается в практике современных финансовых институтов, где формируются условия становления новой эры финансовых услуг. Примечательно, с точки зрения исследователя, что рост объемов информации, а также развитие современных информационных технологий, которые, казалось бы, способны решить проблему с информированностью инвесторов, не синонимичны эффективному и рациональному использованию имеющейся информации [1, с. 269–271].

Два противоположных состояния, которыми характеризуются условия, в которых участники рынка принимают решение, экономист называет «информационной асимметрией» и «симметрией заблуждений». Если состояние информационной асимметрии объективно и подталкивает участников рынка к поиску информации, осмотрительности, принятию выверенных решений, то симметрия заблуждений происходит из-за преобладания иррационального поведения инвесторов, она не способствует поиску информации, ведет

к спонтанным действиям, которые по мере приобретения массовости становятся фактором неопределенности рынка и ведут к непредсказуемым и кризисным последствиям [1, с. 85]. В этом контексте ученый выдвигает провокационное суждение: само представление о рациональности инвестиционного выбора участников финансовых отношений требует серьезной корректировки. Более того, он ставит перед читателем вопрос: чем же определяется массовое поведение инвесторов на современном этапе развития финансового рынка, подверженного тенденции технологизации, как и другие сферы человеческой деятельности?

Серьезный опыт практической деятельности регулятора финансового рынка в наиболее трудный период его функционирования дает В.Д. Миловидову основание утверждать, что многие инвесторы пренебрегают аналитическими показателями и не утруждают себя изучением «внутренней стоимости» ценных бумаг, а лишь ориентируется на поведение других участников рынка и стараются следовать массовому поведению [1, с. 143]. По его мнению, рациональность инвестора состоит не в том, чтобы проанализировать всю имеющуюся информацию, а в том, чтобы следовать рыночному тренду и копировать поведение других участников рынка. Указанный аспект В.Д. Миловидов подчеркивал еще в своей работе «Философия финансового рынка», которая была опубликована в 2013 г. В книге отмечалось, что на финансовом рынке, равно как и в любой другой области социальной деятельности, привнесённые образцы поведения копируются или имитируются другими участниками, но лишь до тех пор, пока они сами не

становятся мейнстримом, превращаясь в своего рода «болезнь роста» [3].

Для повышения информированности участников финансовых отношений и в качестве основы методики преодоления негативных последствий неопределенности финансового рынка В.Д. Миловидов выдвигает концепцию экспоненциально масштабируемых событий (*exponentially scalable events*). Согласно авторской концепции, экспоненциально масштабируемые события целесообразно расценивать в качестве «сигналов-причин», которые, по меньшей мере, должны обладать тремя свойствами: 1) оказывать влияние на состояние той среды, в которой они возникают, например воздействовать на поведение людей; 2) нести в себе зародыши будущих событий, т.е. предполагать последствия; 3) быть масштабируемыми, т.е. порождать такую цепочку изменений, когда каждое последующее событие усиливает действие предыдущего [2, с. 167].

В этой связи следует заметить, что в исследованиях, предшествующих выходу в свет монографии «Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции», ученый провел сравнительный анализ с примерами определения и описания процессов экспоненциального преобразования малых исходных импульсов, куда он включил эффект бабочки, подрывные инновации, события типа «чёрный лебедь», фемториски и собственно авторскую концепцию экспоненциально масштабируемых событий [2, с. 88–97], а в своих более поздних научных трудах он продолжил развивать методический инструментарий предложенной концепции [4, с. 150–158]. Это свидетельствует о фундаментальном подходе ученого

к изучаемым явлениям и процессам сферы международных финансов. Достоинства авторской методики демонстрирует и то обстоятельство, что она была успешно апробирована отечественными экспертами-международниками применительно к анализу решения населения Великобритании о выходе из Европейского союза [5, с. 22].

В монографии содержатся ценные для теории экономической науки гипотезы о перспективах развития финансового рынка в условиях форсированного технологического прогресса. В этом контексте В.Д. Миловидов указывает, что неравномерное распространение и использование современных инновационных технологий субъектами рынка, которые проистекают из информационной асимметрии его участников, трансформируются в своего рода «инновационную асимметрию», что на практике обуславливает развитие двух тенденций. Первая – дальнейшая концентрация технологий и информации у профессионалов и интеллектуализация финансовых сделок, расширение масштабов использования алгоритмов и в конечном счете искусственного интеллекта при одновременном вытеснении розничных инвесторов профессиональными операторами интеллектуальных торговых систем. Вторую тенденцию ученый связывает с растущим стремлением малоинформированных розничных инвесторов преодолеть информационную асимметрию, что, в свою очередь, стимулирует создание и массовое предложение сравнительно дешевых и потому доступных широкому кругу лиц финансовых технологий. Первая тенденция повышает вероятность демократизации финансового рынка, вторая – дает

надежду на усиление рациональности поведения розничных инвесторов, поскольку у них в руках оказываются алгоритмические решения [1, с. 330–331].

Монография богата рекомендациями прикладного характера, имеющими исключительную ценность для участников финансового рынка. В частности, как отмечает В.Д. Миловидов, инвестору рационально не дожидаться наступления экспоненциально масштабируемых событий, а стремиться выявлять сигналы, которые способны к ним привести, иными словами, «настроить себя на поиск и идентификацию экспоненциально масштабируемых событий» [1, с. 16]. Такой подход подразумевает способность отслеживать самые незначительные факты действительности, которые отличаются от других фактов, выделяются своей необычностью по времени, по форме происходящего, по составу участников, по своим масштабам и другим присущим им характеристикам. Для этого индивидуальным и институциональным участникам финансовых отношений необходимо верно формировать подход к работе с информацией, развивать среду знаний, центры компетенций, позволяющие

своевременно проводить экспертизу получаемой информации, минимизировать субъективный фактор в процессе принятия решений. Можно согласиться с основным выводом ученого, согласно которому на современном этапе развития, характеризующемся беспрецедентной доступностью информации, равно как и ее беспрецедентным переизбытком, управление информацией, как средой, обеспечивающей знания, должно стать во главу угла принятия решений, особенно на государственном уровне [1, с. 176].

Научный труд В. Д. Миловидова «Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции» рельефно выделяется среди массы последних экономических исследований. Он обладает исключительной ценностью для государственных служащих, экономистов и инвесторов. Книга, несомненно, заслуживает внимания личностей, которые стремятся к осмыслению стратегий поведения в условиях неопределенности становления цифровой социально-экономической и политической реальности, диктующей человечеству пропасти как возможностей, так и рисков.

Список литературы

1. Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции / Владимир Миловидов; предисл. М.Е. Фрадкова. Москва: Магистр, 2019. 336 с.
2. Миловидов В.Д. Услышать шум волны: что мешает предвидеть инновации? // Форсайт. 2018. Т. 12. № 1. С. 88–97.
3. Миловидов В.Д. Философия финансового рынка. Москва: Магистр, 2013. 270 с.
4. Миловидов В.Д. Технологизация и унификация регулирования мирового финансового рынка / В.Д. Миловидов // Вопросы науки и практики, 2019. 2 сессия. Москва, 2019. С. 150–158.
5. Трансформация партийно-политического ландшафта в Европе в условиях нового миропорядка // Проблемы национальной стратегии, 2019. № 4 (55). С. 22.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
  - для исследований – 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
  - для публикаций соискателей ученых степеней – 12 страниц (30 тыс. знаков),
  - для рецензий – 5 страниц (8 тыс. знаков);

Структура статьи предполагает:

- индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева;
- название статьи на русском языке, строчные буквы, по центру полужирным начертанием;
- фамилия и инициалы автора(ов) на русском языке
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на русском языке;
- ключевые слова и аннотация на русском языке
- название статьи на английском языке;
- фамилия и инициалы автора(ов) на английском языке;
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на английском языке;
- ключевые слова и аннотация на английском языке
- текст статьи;
- библиографический список;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

Аннотация – не более 50 слов; Ключевые слова: слова и словосочетания – не более 10.

MSWord, формат страницы А-4, кегль 14, шрифт TimesNewRoman, все поля – 2,0 см, интервал 1,5 см, выравнивание – по ширине; одинарный интервал; здесь и в тексте автоматический отступ («красная строка») – 1,25 см.

В тексте ссылки на литературные источники приводятся в квадратных скобках (например: [1], [1-5; 9]). *Они расставляются в порядке их упоминания в тексте.*

В тексте статьи не используются «полужирный» шрифт и подчеркивания, допускается курсив.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией. Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован в СМИ
(ПИ № ФС77-75451 от 05.04.2019).

Учредители:
ИСПИ ФНИСЦ РАН
Российская академия социальных наук

Главный редактор:
В.К. Левашов

Адрес регистрации:
117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп.5
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru

Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Ответственный секретарь – Шушпанова Ирина Сергеевна

Материалы журнала размещены на сайте <http://scienceculturesociety.ru/>
Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

ISSN 2308-829X

Подписано в печать 13.10.2020 г. Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,25. Заказ 3217. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eep@yandex.ru

